Fediukin, S. A.

С. А. ФЕДЮКИН

partiia i intelligentsiia

ПАРТИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

66.61 (2) 2
Ф35

Ф $\frac{0902040100-273}{079(02)-83}$ 113—83

ВВЕДЕНИЕ

Коммунисты и интеллигенция... Эта проблема имела весьма важное значение в революционном движении в России. Может ли интеллигенция быть идейным союзником рабочего класса, какова ее роль в партии и какова роль партии в отношении интеллигенции — эти и многие другие вопросы вызывали бурные споры в дореволюционной социал-демократии, обсуждались на страницах печати. Ныне эта проблема привлекает большое внимание как наших зарубежных друзей, так и идейных противников. Взаимоотношения коммунистов и интеллигенции были и остаются одной из «горячих точек» общественной мысли и идеологической борьбы.

В свое время меньшевики и иные враги ленинизма всячески пытались исказить характер отношений большевистской партии с интеллигенцией. Современные буржуазные политические деятели и ученые также стремятся представить в превратном свете цели коммунистов в отношении интеллигенции, тщатся убедить массы в несовместимости их интересов.

Цель такого рода фальсификаций ясна. Буржуазные идеологи хотели бы запугать интеллигенцию своих стран коммунистической угрозой, замедлить ее сдвиг влево, представить коммунизм в качестве «тотального разрушителя культуры».

Изучение исторического опыта КПСС, характера отношений между ленинской партией и интеллигенцией как в прошлом, так и в условиях социалистического общества помогает рассеять клевету буржуазных идеологов на коммунистов, как на врагов интеллигенции. Знание взаимоотношений рабочего класса, его партии с интеллигенцией позволяет глубже вникнуть в механизм общественных процессов, более

точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»[1].

Важнейшей частью ленинского анализа интеллигенции является определение ее роли в политической жизни общества, в революционном движении. В. И. Ленин развенчал буржуазные и псевдомарксистские мифы о «внеклассовости» интеллигенции, о ее «независимости» от борющихся классов. Он четко и определенно указал, что интеллигенция не представляет никакой самостоятельной политической силы, что, «не примыкая к классу, она есть нуль»[2]. Однако интеллигенция обретает реальную силу, если она последовательно выступает в защиту интересов того или иного общественного класса, переходит на его идейные позиции. В то же время сила этого класса в немалой мере зависит от возможностей и способностей поддерживающей его интеллигенции. Отсюда вытекает ленинская концепция демократической интеллигенции как союзника и помощника рабочего класса в его освободительной борьбе.

Разработка В. И. Лениным марксистской теории интеллигенции оказала решающее воздействие на определение политической линии рабочего класса и его партии в отношении интеллигенции, способствовала активизации борьбы демократической интеллигенции с самодержавием и буржуазией.

Ко времени вступления России в полосу социальных революций интеллигенция прошла сравнительно короткий, но насыщенный большим содержанием путь. Развитие капитализма в России потребовало большого количества квалифицированных работников умственного труда. В. И. Ленин подчеркивал, что капитализм «повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию»[3]. Если к началу 60-х годов прошлого столетия в России имелось приблизительно 20 тыс. человек с высшим образованием[4], то, по данным всеобщей переписи населения 1897 г., в стране насчитывалось 140 тыс. лиц (из них 5% — женщин), имеющих высшее образование или учившихся в вузах, и 172,3 тыс. (из них женщин — 7,7%), получивших среднее специальное образование или учившихся в соответствующих учебных заведениях. Кроме того,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.
[2] Там же, т. 1, с. 441.
[3] Там же, т. 4, с. 209.
[4] См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века, с. 70.

было учтено 1073 тыс. лиц, имевших общее среднее образование[1].

Несмотря на то, что интеллигенция была сравнительно немногочисленной, она играла все возрастающую роль в культурном развитии России. Она содействовала просвещению народа, из ее среды вышло много выдающихся ученых, деятелей литературы и искусства, чьи творения явились крупным вкладом не только в русскую, но и в мировую культуру.

Большая заслуга принадлежала интеллигенции в оживлении общественной жизни, усилении политической борьбы народных масс с крепостничеством и самодержавием. Декабристы, революционные демократы подняли знамя освободительной борьбы. Их дело продолжили революционные народники, чья деятельность вошла яркой страницей в историю революционного движения. Основную массу народников, более половины, составляла разночинная интеллигенция — получившие образование дети мещан, купцов, мелких священнослужителей, крестьян, казаков, ремесленников. Значительной была в ней и дворянская прослойка — 36,1%[2]. Рабочих среди революционных народников было мало — Петр Алексеев, Степан Халтурин, Яков Потапов, Тимофей Михайлов и некоторые другие.

Конечно, народники ошибались, считая крестьянство наиболее революционной силой, проповедуя террористические методы борьбы. За это их резко критиковал В. И. Ленин, но он же и воздал должное их самоотверженности, назвав революционных народников «геройской интеллигенцией». Несколько тысяч революционеров было арестовано, более тысячи из них было отправлено на каторгу, в ссылку, погибло на эшафоте. «Они проявили величайшее самопожертвование,— говорил В. И. Ленин о революционных народниках-интеллигентах,— и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»[3].

Революционная страстность народнической интеллигенции, сила духа и вера в правоту своего дела оказали глубо-

[1] Исчислено по кн.: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Спб., 1905, т. 1, с. 189—195.
[2] См.: *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895 гг. М., 1979, с. 283.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

П. Аксельрод. Как предисловие, так и брошюра были направлены на то, чтобы вбить клин между рабочими и социал-демократией, оторвать революционную интеллигенцию от рабочего движения. Сокрушительную критику меньшевистской позиции дал В. И. Ленин в статье «Соловья баснями не кормят».

С отповедью меньшевикам выступали и рабочие. Интересный отклик рабочего Правдина на брошюру был опубликован в большевистской газете «Вперед». Он писал, что «взгляды, высказываемые автором брошюры, довольно странные: он всячески старается умалить значение интеллигенции в пролетарском движении, считая ее чуть ли не «вредным элементом». Товарищ забывает, что все мы, сознательные рабочие, от интеллигентов же научились быть сознательными... Да разве наши духовные вожди Маркс, Энгельс, Лассаль не были интеллигентами? Товарищ возмущается, что сознательная молодежь прямо с ученической скамьи попадает в вожди пролетариев. Это чистейшая выдумка. Нет, истинными вождями пролетариев являемся мы же, сознательные рабочие, неразрывно связанные с широкой рабочей массой, а интеллигенция, ставшая на точку зрения пролетариата, только служит ему и освещает трудный путь к освобождению, борясь и страдая вместе с нами...» [1].

Большое внимание укреплению товарищеских взаимоотношений между рабочими и интеллигентами в социал-демократических организациях уделил III съезд РСДРП. Дискуссия, развернувшаяся на съезде по этому вопросу, приняла острый характер. В. И. Ленин предложил проект резолюции, в которой решительно осуждались ошибочные взгляды и действия меньшевиков по отношению к интеллигенции, политика «сеяния недоверия и вражды между рабочими и интеллигентами в социал-демократических организациях, которую ведут новоискровцы» [2]. В речи по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в партийных организациях Ленин указал, что неверно полагать, будто носителями социал-демократических идеалов являются преимущественно интеллигенты. Более того, даже в эпоху «экономизма» носителями революционных идей были рабочие, а не интеллигенты. Одновременно Владимир Ильич высказался за всемерное расширение рабочей части партийных комитетов, т. е. за увеличение рабочей прослойки в руководстве партией. «Я очень сочувствовал бы тому,— писал он,— чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих» [1].

[1] Вперед, 1905, № 12, 29 (16) марта.
[2] Третий съезд РСДРП. Апрель—май 1905 года. Протоколы. М., 1959, с. 672.

Требование В. И. Ленина увеличить представительство рабочих в партийных комитетах отнюдь не противоречило признанию им большой роли интеллигенции в партии. Ленинская точка зрения была предельно ясной: РСДРП — партия рабочего класса, и вполне естественно, что рабочие должны занять подобающее место в партийных комитетах. Что же касается взаимоотношений рабочих и интеллигенции в партии, то если говорить «о тех интеллигентах, которые... переходят на сторону пролетариата,— то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату» [2].

Большевистская партия была пролетарской не только по идеологии, но и по составу. Накануне революции 1905—1907 гг. она насчитывала 8,4 тыс. членов [3]. По подсчетам советского историка М. С. Волина, удельный вес интеллигентов среди вступивших в социал-демократическое движение до 1905 г. составлял 36% [4]. Таким образом, около 5,5 тыс. большевиков были рабочими, а 3 тыс. — интеллигентами.

Революционная интеллигенция составляла значительную часть пролетарской партии. Провозгласив в своей Программе, что РСДРП «зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата» [5], ленинская партия принимала в свои ряды людей независимо от того, к какому классу они принадлежали. Ее двери не были закрыты ни для кого, но при одном условии: вступавший в партию должен был идейно перейти на позиции рабочего класса и активно участвовать в партийной жизни и революционной борьбе.

Именно это условие привело после раскола РСДРП в большевистскую партию наиболее деятельную, политически выдержанную часть социалистической интеллигенции. Игнорирование же этого требования предопределило наплыв в ряды меньшевиков интеллигенции неустойчивой, а подчас и политически беспринципной, с устремлениями в сторону буржуаз-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 163.
[2] Там же, т. 6, с. 389.
[3] См.: Партийная жизнь, 1973, № 14, с. 9.
[4] См.: *Волин М. С.* К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции.— В кн.: Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976, с. 177.
[5] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 62. (Далее: КПСС в резолюциях...)

ного либерализма и реформизма. Полемика вокруг параграфа о членстве в партии на II съезде РСДРП, в сущности, была спором о том, какой должна быть партия — пролетарской или мелкобуржуазной.

С подъемом революционного движения, особенно в 1905—1907 гг., стремительно росла и численность РСДРП. За время революции она увеличилась до 150 тыс., в том числе большевиков — около 46 тыс. человек [1]. Численный рост партии шел преимущественно за счет рабочих. Особенно много их вступало в ряды большевиков. Соответственно уменьшалась среди вступавших доля интеллигенции. В целом, по данным М. С. Волина, во время первой русской революции в партии было: рабочих — 64%, служащих — 4, интеллигентов—32% [2]. Следовательно, интеллигентов-большевиков насчитывалось около 15 тыс. Из них студентов было 38%, учителей — 42, медиков — 10%. «До революции студент был центральной фигурой среди партийной интеллигенции, затем на первый план вышел народный учитель» [3],— делает вывод М. С. Волин.

Таким образом, накануне и во время революции 1905—1907 гг. интеллигентов в партии было в два раза меньше, чем рабочих. Эти данные опровергают утверждения буржуазных ученых о якобы почти полностью интеллигентском составе РСДРП и о слабой связи ее с рабочим классом.

Социал-демократическая интеллигенция сыграла большую роль в пропаганде марксизма и соединении рабочего движения с теорией научного социализма, в строительстве пролетарской партии. В ее лице рабочий класс имел теоретического руководителя, боевого союзника в совместной борьбе против гнета и эксплуатации. Однако уже в начале 1908 г. В. И. Ленин констатировал, что «на прямую дорогу руководства рабочих масс передовыми «интеллигентами» из самих же рабочих партия уже вступила» [4]. Передовые рабочие упорно и настойчиво учились марксизму, росли политически, становясь сознательными социал-демократами.

Готовя пролетариат к революционным боям, большевистская партия не только разъясняла пролетариату, какого союзника имеет он «в интеллигенции вообще» [5], но и уделяла большое внимание широкой пропагандистской и практической работе среди беспартийной демократической интелли-

[1] См.: Партийная жизнь, 1973, № 14, с. 9.
[2] См.: Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение, с. 175.
[3] Там же, с. 178.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 5.
[5] Там же, т. 5, с. 334.

генции. В этих целях использовались самые различные формы и методы, причем работа велась дифференцированно, с учетом общественного положения и настроений той или иной интеллигентской группы. В. И. Ленин неоднократно указывал на особенности партийной работы среди студенчества, учителей, служащих, врачей и других отрядов интеллигенции. Еще в 1899 г. он писал, что «не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению» [1].

Пятилетие перед первой русской революцией было периодом особенно интенсивного «собирания сил» и утверждения влияния революционной социал-демократии не только на рабочие, но и на непролетарские массы. Целью политической пропаганды среди интеллигенции было разъяснение антинародной сущности самодержавия, призыв к его свержению. Этот призыв находил широкий отклик в различных интеллигентских кругах, ибо «образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание...» [2].

Острое недовольство демократической интеллигенции самодержавием, неудовлетворенность соглашательской политикой либеральных «вождей» побуждали ее искать ответы на жгучие вопросы общественной жизни в большевистской литературе. Большевик М. К. Владимиров в июне 1904 г. писал из Гомеля заграничному отделу ЦК РСДРП: «Мне пришлось за короткое время моего пребывания... побывать в некотором кругу здешней интеллигенции... И здесь замечается то внутреннее недовольство нынешним положением, что охватывает все больший и больший круг русского общества... Когда я с ними разговорился, мне послышалось столько злобы в их речах, столько накопившегося возмущения к самодержавию... В конце концов все попросили меня принести почитать номера «Искры» [3].

Прогрессивная интеллигенция гневно осуждала бесчинства и произвол царских властей. Большая группа писателей и общественных деятелей выступила с резким протестом про-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 238.
[2] Там же, т. 2, с. 454.
[3] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. Сборник документов. В 3-х т. М., 1975, т. 2, с. 335—336.

Социал-демократические организации привлекали радикально настроенную интеллигенцию к практическим делам партии. Интеллигенты нередко становились связными, хозяевами явочных квартир и т. п. В январе 1904 г. Н. К. Крупская писала членам ЦК РСДРП в Киев: «Вот явка к одному офицеру, который может помочь в устройстве склада, укрывании людей. Не социал-демократ, но честный парень...» [1] Известно, что артист В. И. Качалов предоставил свой домашний адрес для корреспонденции «Искры», укрывал от полиции Н. Э. Баумана. На квартире писателя Л. Н. Андреева нелегально собирался ЦК РСДРП.

Многие больницы, клиники, школы, даже государственные учреждения использовались революционерами для явок, хранения литературы и оружия. Вот что писал в этой связи один из старейших деятелей большевистской партии — В. Д. Бонч-Бруевич: «Приезжая в Россию, мы уже из Женевы знали адреса и пароль первичной явки... Она обыкновенно устраивалась на квартире такого сочувствовавшего нам общественного работника, куда по делам службы заходит много разнообразного народа, с тем чтобы приход явочников никого не мог смутить. Обыкновенно это были зубные врачи, приказчики, мелкие хозяева магазинов, доктора, служащие в больницах, адвокаты... Мне в Петербурге пришлось идти на Николаевскую улицу к зубному врачу Ю. Лаврентьевой... Ю. Лаврентьева не была большевичкой в нашем смысле слова, но она очень сочувствовала нам и весьма охотно взяла на себя эту ответственную, хлопотливую и рискованную работу... Распрощавшись с Лаврентьевой, я вышел в приемную, где поджидали своей очереди несколько больных, среди которых оказалось несколько таких же, как и я, и некоторых из них я потом встретил на явке» [2].

Интеллигенция предоставляла значительные денежные средства для нужд РСДРП и революционного движения. Особенно велика была в этом деле роль А. М. Горького и М. Ф. Андреевой. Они не только сами вносили в фонд партии крупные суммы, но и привлекали к этому делу некоторых капиталистов, близко стоявших к прогрессивным интеллигентским кругам, например известного мецената фабриканта С. Т. Морозова. В 1918 г. А. М. Горький писал сотрудникам «Правды» и «Северной Коммуны»: «...за время с 1901 по

[1] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. Сборник документов. В 3-х т., т. 2, с. 28.

[2] *Бонч-Бруевич Влад.* Нелегальная поездка в Россию. М., 1930, с. 82—85.

1917 годы через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело Российской социал-демократической партии. Из них мой личный заработок исчисляется десятками тысяч, а все остальное черпалось из карманов «буржуазии». «Искра» издавалась на деньги Саввы Морозова, который, конечно, не в долг давал, а жертвовал. Я мог бы назвать добрый десяток почтенных людей — «буржуев»,— которые материально помогали росту социал-демократической партии. Это прекрасно знает В. И. Ленин» [1].

М. Ф. Андреева также занималась сбором средств для партийных целей, являясь «чем-то вроде агента по финансовым делам». Позже охранка установила, что Андреева собрала для РСДРП средства, выражавшиеся шестизначной цифрой [2]. Из полученных по завещанному ей С. Т. Морозовым страховому полису средств она 60 тыс. рублей передала ЦК РСДРП [3].

Известно также, что студент большевик Н. П. Шмит, владелец мебельной фабрики в Москве, передал партии крупные денежные средства. Значительные суммы вносили в партийную кассу писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, артистка В. Ф. Комиссаржевская. Средства собирались среди интеллигенции в форме взносов, по подписным листам. В материалах III съезда РСДРП отмечалось, что «партия содержится почти что на счет интеллигенции...» [4].

В. И. Ленин высоко ценил помощь демократической интеллигенции рабочему классу, его партии. Деятельность лучшей части интеллигенции в РСДРП, совместные выступления рабочих и интеллигентов, особенно студенчества, в массовых политических демонстрациях, поддержка интеллигенцией забастовочной борьбы рабочих, организация забастовок служащими, учителями, кампании протестов против произвола царских властей — все это давало Владимиру Ильичу право отметить, что «помощники рабочим из рядов интеллигенции продолжают притекать, несмотря на переполнение тюрем и мест ссылки» [5].

[1] *Руднев В. В.* Горький-революционер. М.—Л., 1929, с. 54; см. также: *Пак Б. И.* Савва Тимофеевич Морозов.— История СССР, 1980, № 6, с. 125.

[2] См.: Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1968, с. 426, 456.

[3] См. там же, с. 420.

[4] Третий съезд РСДРП. Протоколы, с. 646.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 195. Подробнее о вовлечении интеллигенции в революционное движение см.: *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904. М., 1976.

над «человеколюбием» демократической интеллигенции. Его авторы утверждали, что якобы между интеллигенцией и народом существует извечная рознь и интеллигенция должна бояться народа «пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Сборник «Вехи» явился знамением ренегатства либеральной интеллигенции, ее ухода от злободневных проблем современности в мир мистики, богоискательства, «мелких дел». «...*Масса* буржуазной интеллигенции,— писал В. И. Ленин,— бывшей недавно демократической и даже революционной, повернула теперь *вспять* от демократии и от революции» [1].

Разгул реакции тяжело отразился на большевистской партии. Многие ее активные члены погибли в революционных боях, были казнены или сосланы. Численность партии резко уменьшилась. Например, Петербургская организация, одна из ведущих, за три года потеряла свыше 90% своего состава. Столь же тяжелые потери понесли и многие другие организации. Неустойчивые, морально надломленные люди покидали ряды активных борцов, отходили от политической работы. Особенно много было их среди интеллигентской части партии.

Однако далеко не все интеллигенты вышли из состава партии. Твердые интеллигенты-марксисты остались в рядах РСДРП, разделяли вместе с рабочим классом все тяготы периода реакции. В. И. Ленин подчеркивал, что «наиболее пролетарские элементы партии, наиболее выдержанные принципиально и наиболее социал-демократические элементы интеллигенции остались верны РСДРП» [2]. Большевистская газета «Пролетарий» писала, что в рядах партии остается и продолжает работать та интеллигенция, «которая действительно перешла на точку зрения рабочего класса» [3]. Даже в самые глухие годы реакции в большевистскую партию вступали интеллигенты, особенно из студенческой молодежи. Именно тогда стали большевиками В. А. Быстрянский, Г. А. Усиевич и другие молодые демократы-интеллигенты.

В большевистскую партию пришла и некоторая часть меньшевиков-интеллигентов, понявших, что только ленинская партия хранит и отстаивает чистоту марксистского учения и ставит целью применение его к реальной действительности. Те меньшевики, которые искренне сочувствовали пролетариату, ортодоксальные марксисты, как называл их В. И. Ленин, «начинают откалываться (от меньшевистской части РСДРП.— *Авт.*) и силою вещей они оказываются, раз они идут *к партии*, идущими к большевикам» [1].

Выход из партии значительной части попутчиков позволил ей, с одной стороны, очиститься от неустойчивых элементов, что объективно служило укреплению партийных рядов, а с другой — активизировать работу по воспитанию и выдвижению партийных организаторов из наиболее подготовленных рабочих, прошедших школу революции. V Общероссийская конференция РСДРП предложила обратить особое внимание на подготовку практических и идейных руководителей социал-демократического движения из среды рабочих [2].

В 1910 г., подводя первые итоги массового выдвижения рабочих к руководству, В. И. Ленин отметил, что рабочий класс на место руководителя-интеллигента выдвигает руководителей из своей среды: «Растет новый тип с.-д. рабочего партийца, самостоятельно ведущего *все* дела партии...» [3] В эти годы профессиональными партийными работниками стали слесарь С. В. Косиор, металлист В. Я. Чубарь, токарь Н. Г. Полетаев и другие большевики-рабочие. Ответственный организатор Петербургского комитета партии А. М. Буйко вспоминал: «Всю агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу пришлось взвалить на свои плечи этой рабочей интеллигенции. Бывали случаи, когда районные газеты и листовки не имели ни одного сотрудника-интеллигента, обслуживаясь исключительно рабочими» [4].

В сложнейших условиях реакции большевики не переставали вести активную пропагандистскую и организаторскую работу среди интеллигенции. В. И. Ленин не раз обращал внимание партийных работников на активизацию деятельности в массах интеллигенции. «Когда я уезжала в Россию,— рассказывает Р. С. Землячка,— Ильич напутствовал меня, указывал, что в дальнейшей моей работе я должна уделить максимум внимания связи с интеллигенцией» [5].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 98—99.
[2] Там же, т. 17, с. 363.
[3] Пролетарий, 1908, № 26, 19 марта (1 апреля).

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 47.
[2] См.: КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 257.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 411.
[4] *Буйко А. М.* Путь рабочего. Воспоминания путиловца. Л., 1964, с. 74.
[5] *Землячка Р. С.* Об Ильиче.—Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1979, т. 2, с. 82.

ции РСДРП(б) А. С. Бубнов отмечал, что партийные организации большевиков «начинают приобретать интеллигентных работников».

Однако пополнение большевистской партии за счет интеллигенции было процессом сложным и отнюдь не прямолинейным. Победа буржуазно-демократической революции породила у некоторых большевиков-интеллигентов иллюзии буржуазного парламентаризма, разочарование в революционных возможностях пролетариата. Такие интеллигенты выходили из партии.

Одновременно шел и другой процесс: рост числа интеллигентов, вступавших в большевистскую партию. В первые месяцы после Февральской революции он был сравнительно слабым, но существенно усилился после разгрома корниловского мятежа. Кто вступал в партию? Прежде всего некоторые бывшие активные ее деятели, которые по ряду причин после первой русской революции оказались вне партийных рядов. Среди них были А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, Л. Б. Красин, Д. З. Мануильский и другие. Их восстановили в рядах партии с сохранением прежнего партийного стажа. В ряды РСДРП(б) были приняты некоторые бывшие меньшевики или примиренцы, которые на деле доказали свое стремление честно и самоотверженно бороться за социалистическую революцию: М. С. Урицкий, В. А. Антонов-Овсеенко, М. М. Володарский, Л. М. Карахан, В. И. Межлаук, Г. И. Чудновский, В. П. Затонский.

Логика революции привела в ряды большевиков даже некоторых членов буржуазных партий. Например, Б. Б. Каратаев, высокообразованный инженер, член партии кадетов, в мае 1917 г. вступил в большевистскую партию[1].

Однако основную массу интеллигентов, вступивших в большевистскую партию в 1917 г., составляли представители мелкой и средней интеллигенции, а также учащейся молодежи, ранее ни в каких партиях не состоявшие. Среди них были учителя А. Г. Червяков, И. И. Далматов, медицинский работник М. В. Фофанова, журналистка Р. М. Азарх, инженеры Н. С. Абельман, Н. П. Горбунов. В этот период большевиками стали будущие историки И. И. Минц, А. М. Панкратова, Н. М. Добротвор.

В партию вступило немало офицеров. Начальник штаба 106-й дивизии, донской казачий офицер, полковник М. С. Свечников обеспечил проезд В. И. Ленина и его спутников из Финляндии в Россию. Причем от Таммерфорса до Петрограда М. С. Свечников сопровождал В. И. Ленина и его группу сам, проехав весь путь в ленинском вагоне. А вскоре, в день 1 Мая, он подал заявление о вступлении в партию большевиков. Коммунистами стали подполковники Н. Г. Крапивянский, Г. Д. Базилевич, В. В. Каменщиков, штабс-капитаны И. Л. Дзевялтовский, А. И. Седякин, ротмистр А. И. Геккер, поручики И. П. Уборевич, К. А. Авксентьевский, мичман С. Д. Павлов, прапорщики М. К. Тер-Арутюнянц, П. Е. Княгницкий, И. Ф. Федько, Н. А. Руднев, Р. Ф. Сиверс, И. Н. Дубовой, Г. И. Благонравов, В. К. Путна и другие.

[1] См.: *Куртов И. А.* Из истории привлечения буржуазно-технической интеллигенции к участию в социалистическом строительстве Казахстана (1917—1933).— Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук, 1965, вып. 6, с. 57.

С большевистской партией связали свою судьбу и некоторые представители художественной интеллигенции — литераторы П. К. Бессалько, В. Н. Билль-Белоцерковский, Г. А. Санников, литературовед В. М. Фриче, художник Ф. С. Богородский. Особенно много интеллигентов вступало в большевистскую партию в крупных административных и промышленных центрах.

ЦК РСДРП(б) обращал большое внимание на создание в среде демократической интеллигенции первичных партийных организаций. В марте — апреле 1917 г. в Петрограде была организована социал-демократическая группа учителей, ставившая своей задачей усиление марксистского влияния в сфере народного просвещения. Газета «Правда» призывала революционное учительство «энергичнее повести дело нашей пропаганды и организации в учительской среде, чтобы учителя... не шли на поводу у буржуазных партий»[1]. Активную работу вели большевистские организации, созданные в Петроградском, Московском, Одесском, Харьковском университетах, в психоневрологическом, технологическом, медицинском институтах Петрограда. Сильная партийная организация функционировала у служащих Петроградского почтамта. Большевистские ячейки действовали на Московской телефонной станции, в окружном комитете союза служащих в Самаре и т. д.

Интеллигенты-большевики принимали активное участие в партийно-организаторской работе на местах. В первой половине 1917 г. 15,7% членов райкомов Петрограда имели высшее образование. В некоторых районах города этот процент был еще выше: в 1-м Городском — 43,8, в Рождественском — 28,6, в Василеостровском — 23,1[2]. Интеллигенты-коммуни-

[1] Правда, 1917, 16 апреля.
[2] См.: Из истории трех русских революций. Л., 1976, с. 85—87.

сты вели агитационно-пропагандистскую работу, выступали на митингах, собраниях, сотрудничали в печатных органах партии. Из заполненных делегатами VI съезда РСДРП(б) анкет явствовало, что в 21 местной партийной организации из 68 агитационно-пропагандистская работа велась как рабочими, так и местными интеллигентами большевиками и беспартийными [1].

Анализ материалов перерегистрации членов партии, проведенной весной 1920 г., позволяет полагать, что к октябрю 1917 г. в большевистской партии состояло приблизительно 30—35 тыс. интеллигентов, или 10% ее численности [2]. О месте и роли этой группы в Октябрьской революции А. В. Луначарский говорил: «Прежде всего русская интеллигенция... могла бы с гордостью указать на тех интеллигентов, которые отдали все свои силы Коммунистической партии, а следовательно, и Великой Российской и Мировой Революции, т. е. на интеллигентов-коммунистов» [3].

Период от февраля к октябрю 1917 г. был весьма сложным во взаимоотношениях рабочего класса и его партии с интеллигенцией. Почти единодушно приветствовавшая свержение монархии и установление власти буржуазии, интеллигенция в ходе развития революции утратила однозначный подход к оценке событий. Большинство ее еще верило буржуазным и мелкобуржуазным партиям, шло в фарватере их политики. Буржуазная по своей классовой природе и идеологии, интеллигенция находилась в экономической зависимости от имущих классов и потому в массе своей оказывала сопротивление социалистической революции. Однако под влиянием борьбы рабочего класса, пропагандистской и организаторской работы большевистской партии выделяется и неуклонно растет наиболее радикальная, революционная часть интеллигенции, которая переходит на позиции рабочего класса, поддерживает его социальные устремления. Опыт развития революции показал, что на стороне пролетариата в условиях непосредственной борьбы за власть выступила сравнительно небольшая, но наиболее активная и энергичная часть интеллигенции, которая явилась верным союзником рабочего класса в его борьбе за свержение буржуазии.

---

[1] См.: Шестой съезд РСДРП(большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 314—390.

[2] Подсчитано автором по кн.: Личный состав РКП в 1920 г., М., 1921, с. 9—11.

[3] *Луначарский А. В.* Об интеллигенции. Сборник статей. М., 1923, с. 42.

Глава вторая

ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ОТНОШЕНИИ СТАРОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1. Октябрьская революция и политическое размежевание интеллигенции

Октябрьская революция всколыхнула все классы и слои общества. Интеллигенция, связанная своим происхождением с различными классами, представляла собой неоднородную массу, что и предопределило ее отношение к социалистической революции. Как же она восприняла Великий Октябрь и установление диктатуры пролетариата? Буржуазные историки как раньше, так и в наши дни утверждают, будто поголовно вся российская интеллигенция категорически отвергла социалистическую революцию и активно боролась против власти рабочего класса. Эта явно тенденциозная оценка политической позиции интеллигенции не имеет ничего общего с исторической действительностью.

Надуманность и антиисторичность этого тезиса убедительно опровергают события октября 1917 г. в Петрограде. Вооруженное восстание со всей очевидностью показало, что единой интеллигенции нет, как нет и пресловутой ее «надпартийности». Буржуазные верхи интеллигенции сплотились вокруг кадетов, мелкобуржуазные элементы активно участвовали в деятельности меньшевиков, эсеров, других партий, течений и групп, пытавшихся направить революцию по пути буржуазного парламентаризма. Входившие именно в эти партии министры Временного правительства — адвокаты Керенский, Малянтович, профессора Салазкин, Некрасов, инженер Пальчинский и другие сделали все для того, чтобы потопить в крови восстание рабочих и солдат. Буржуазные и мелкобуржуазные интеллигенты-офицеры и юнкера обороняли Зимний дворец. После победы Октября эти партии организовали контрреволюционные мятежи юнкеров в Москве, генерала Краснова под Петроградом, создавали контрреволюционные центры, вроде «Комитета общественной безопасности», «Комитета спасения родины и революции».

Однако далеко не вся интеллигенция занимала такую позицию. Безусловно, контрреволюционной части ее противостояли интеллигенты-большевики и беспартийные, которые в дни восстания шли вместе с революционным пролетариатом. Виднейшие деятели партии, ученики и соратники В. И. Ленина сыграли огромную роль в организации восстания. В состав партийного центра по его руководству входили А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий. Членами Петроградского ВРК — органа Петросовета по непосредственному руководству восстанием — наряду с рабочими, солдатами, матросами были офицеры-большевики Н. В. Крыленко, Ю. М. Коцюбинский, И. П. Павлуновский, М. Д. Пригоровский, В. А. Антонов-Овсеенко, народный учитель И. П. Флеровский, инженер А. Д. Садовский, партийный журналист К. С. Еремеев, врач В. А. Аванесов, юрист Н. И. Подвойский и другие представители интеллигенции.

Офицеры-большевики обучали рабочих-красногвардейцев военному делу. Г. И. Благонравов, М. К. Тер-Арутюнянц, Э. М. Склянский, Н. П. Вишневецкий, Б. М. Занько, Р. Ф. Сиверс, П. И. Вьюшин и другие были посланы в качестве комиссаров Петроградского ВРК в воинские части для подготовки восстания. Интеллигенты-большевики вели активную разъяснительную работу на заводах, фабриках, в рабочих кварталах города.

В тройку по техническому руководству вооруженным восстанием входили Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко и Г. И. Чудновский. Во главе штурмующих Зимний дворец рабочих, солдат, матросов шли офицеры С. С. Петрухин, К. Я. Зедин, А. И. Тарасов-Родионов, П. В. Дашкевич, В. В. Сахаров, комиссары Павловского полка О. П. Дзенис, Семеновского — Ю. М. Коцюбинский. Непосредственное участие в революционных событиях в Петрограде принимали микробиолог, доктор Сорбонны И. А. Залкинд, научный работник И. В. Егоров, учитель М. Я. Лацис, инженер А. П. Серебровский, поэт А. Н. Поморский, фельдшер А. С. Раков, врачи Е. П. Первухин, М. И. Барсуков, В. К. Слуцкая, морской офицер А. А. Кондратьев [1] и многие другие интеллигенты. Из более чем 500 активных участников вооруженного восстания в Петрограде, чьи биографии приведены в сборнике «Герои Октября», более 40% — интеллигенты большевики или беспартийные [1]. Представители демократической интеллигенции входили в состав новых органов власти, возглавляли хозяйственные и культурные учреждения, занимали важные посты в Красной гвардии.

Интеллигенция, воспитанная большевистской партией, оказала немалое влияние на позиции и политическое поведение всей интеллигенции в условиях диктатуры пролетариата. Рука об руку с большевиками шла та часть интеллигенции, которая в социалистической революции видела единственный путь решения сложных социальных проблем, вставших перед страной. Немало крупных ученых, инженеров, писателей, артистов, врачей, учителей поставили свои знания и опыт на службу рабоче-крестьянской власти. В декабре 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что «образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала» [2]. Лучшие представители демократической интеллигенции не только приветствовали приход революции, но и вместе с рабочими, солдатами, крестьянами участвовали в установлении Советской власти на местах, защищали завоевания революции на полях гражданской войны.

Исторические факты убедительно опровергают вымыслы буржуазных историков и публицистов о том, что российская интеллигенция целиком и полностью не приняла Октябрьскую революцию, не признала власти Советов и боролась против нее. Беспочвенность подобных утверждений отмечали и современники событий. Еще в начале 20-х годов известный партийный критик и публицист Вяч. Полонский, много занимавшийся историей интеллигенции в Октябрьской революции, писал, что «всякие разговоры об «интеллигенции» *вообще*, которая будто бы вся целиком оказалась против ре-

---

[1] Примечательны некоторые факты из биографии А. А. Кондратьева. Перед ним, лейтенантом, корабельным артиллеристом линкора «Император Александр II», открывалась блестящая военная карьера. Однако в 1916 г., когда 32 матросам, участникам восстания на линкоре «Гангут», угрожала смертная казнь, он выступил на суде с такой убедительной и блестящей речью в защиту матросов, что некоторые из них были оправданы, другие получили сравнительно мягкие наказания. После Февральской революции команда линкора единодушно избрала его своим командиром. По заданию Кронштадтского комитета РСДРП(б) и Кронштадтского Совета он возглавлял колонну матросов, посланную в Петроград в июле 1917 г. для участия в демонстрации против Временного правительства. В Октябрьские дни по приказу ВРК прикрывал подступы к Петрограду от генерала Краснова, принимал активное участие в формировании боевых матросских отрядов.

[1] См.: Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1967, т. 1—2.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 198.

Рабочие факультеты были классовыми учебными заведениями, вызванными к жизни исторической необходимостью сломать барьер между трудящимися и образованием. В отличие от средней школы на рабфаки принимались главным образом дети рабочих, трудящихся крестьян, демобилизованные красноармейцы. Они направлялись туда по путевкам партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам. Вот как описывал один из преподавателей Казанского университета приход первых учащихся на рабфак: «Мягко ступают по светлым лестницам университета лапти, звонко топают подкованные гвоздями сапоги... В серых солдатских шинелях, обвеянных ветрами, промытых дождями, изрешеченных пулями, в кожаных куртках, с портфелями и без них, в красненьких платочках и вязаных платках, в крестьянских домотканых зипунах пришли они, студенты, на рабфак» [1].

Конечно, декреты и постановления Советской власти, направленные на расширение доступа детей рабочих и крестьян к высшему образованию, создание рабфаков не могли сразу решить проблемы коренного изменения состава высшей школы. Подавляющее большинство студенчества все еще составляла мелкобуржуазная молодежь. Но первые бреши в кастовой броне высшей школы были пробиты. В вузовскую аудиторию пришли рабочие, крестьяне-бедняки, красноармейцы. Классовое лицо высшей школы начало постепенно изменяться.

Одновременно интенсивно увеличивалось количество высших и средних специальных учебных заведений. Уже в первые послеоктябрьские годы были открыты Горная академия и Химико-технологический институт в Москве, ряд вузов в Петрограде, университеты в Тифлисе, Минске, Нижнем Новгороде, Воронеже, Екатеринбурге, Ташкенте (это был первый вуз в Средней Азии), Иркутске и т. д. Всего же к концу 1920 г. в стране было 253 вуза с 216 тыс. слушателей и 400 средних специальных учебных заведений с 50 тыс. учащихся.

Меры Коммунистической партии и Советского государства по революционному преобразованию высшей и средней специальной школы были рассчитаны на относительно длительный период. Между тем нужда в специалистах была огромная и безотлагательная, особенно в сферах государственного и хозяйственного управления. Социалистическая революция сломала старую государственную машину и создала новый классовый аппарат власти. Строителями и руководящим ядром центральных советских учреждений стали коммунисты — профессиональные революционеры. Среди них были крупные специалисты различных отраслей знания. Однако эти кадры были немногочисленны. Поэтому Коммунистическая партия призвала к руководству государственными делами наиболее способных и политически развитых рабочих и крестьян, как коммунистов, так и беспартийных.

[1] На пути к вузу. Казань, 1927, с. 137.

Аппарат органов Советской власти уже в первые годы ее существования в значительной степени формировался из представителей трудящихся. Так, в 1920 г. среди членов губисполкомов рабочие составляли 35,5%, крестьяне — 7,8, а среди членов уездных исполкомов на долю рабочих и крестьян приходилось 53,8% [1]. В руководящем звене партийных и профсоюзных органов, особенно местных, рабоче-крестьянская прослойка была еще более значительной. Именно эта часть новой интеллигенции, вышедшая из народа и тесно связанная с ним, занимала ответственные государственные и партийные посты. Это означало, что Советская власть — в полном смысле власть рабоче-крестьянская.

Говоря о первых итогах формирования управленческого аппарата, В. И. Ленин в январе 1919 г. отмечал, что пролетариат выдвинул несколько десятков тысяч человек на государственную работу [2]. Им пока не хватало знаний, опыта, они не были искушены в тонкостях управления, в технической стороне дела. Но иного выхода и иных людей не было. На ключевых постах в государственном аппарате должны стоять руководители, которым трудящиеся безусловно доверяют. Кадры для местных партийных и советских органов готовились в партийно-советских школах, коммунистических университетах, а также на политических курсах. К концу гражданской войны только в уездных и губернских совпартшколах училось свыше 14 тыс. человек [3].

Проблема кадров имела огромное значение для самых различных областей народного хозяйства и культуры. В условиях войны остро встала задача укомплектования Красной Армии командным составом. Она решалась в первую очередь созданием собственного офицерского корпуса из рабочих и крестьян. Большое количество командиров выросло в ходе гражданской войны, явившейся богатой школой боевого опыта. Трудовой народ выдвинул из своей среды тысячи энергичных командиров, проявивших героизм и военные дарова-

[1] См.: Статистический ежегодник. 1918—1920. М., 1922, с. 54—55.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 450.
[3] См.: Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917—1975 гг.). М., 1977, с. 26.

ния на поле боя. Многие из них стали крупными полководцами. М. В. Фрунзе на посту командующего Восточным и Южным фронтами блестяще провел операции по разгрому Колчака и Врангеля. Исключительное мужество, военный талант и организаторские способности проявил С. М. Буденный, командуя Первой Конной армией. Беззаветно сражались за революцию П. И. Баранов, В. К. Блюхер, С. С. Вострецов, О. И. Городовиков, Б. М. Думенко, П. Е. Дыбенко, Д. П. Жлоба, В. И. Киквидзе, И. С. Кутяков, А. Я. Пархоменко, С. К. Тимошенко, В. И. Чапаев и другие командиры, выдвинутые народной массой. Ко многим из них можно отнести слова В. И. Ленина о С. М. Буденном, приведенные К. Цеткин: «...он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла»[1]. Несколько тысяч военных комиссаров вели политическую работу в армии.

Одновременно командный состав готовился в специальных школах и на курсах. За три года (1918—1920 гг.) военно-учебные заведения подготовили около 40 тыс. командиров и политработников, главным образом из рабочих и крестьян. Военные академии и высшие военные школы дали Красной Армии свыше 4,5 тыс. квалифицированных командиров. Фронтовые и армейские курсы выпустили около 25 тыс. командиров. Среди окончивших военные школы и курсы рабочие и крестьяне составляли в 1918 г. 67,4%, в 1919 г. — 71,6, в 1920 г. — 81,3%. Росла среди них и партийная прослойка. В 1919 г. коммунисты составляли 54%, в 1920 г. — 62% выпускников[2].

В. И. Ленин высоко ценил роль «красных офицеров» в боевых успехах на фронтах гражданской войны. Красная Армия, говорил он осенью 1918 г., «начала побеждать, она выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс в новых пролетарских военных школах, и тысячи других офицеров, которые никаких курсов не проходили, кроме жестокого курса войны»[3]. Эти командные кадры сыграли первостепенную роль в достижении победы над многочисленными врагами революции.

Коммунистическая партия смело выдвигала передовых рабочих и крестьян на руководящую административно-хозяйственную работу. Рабочие вводились в состав коллегий главков, трестов, отделов, входили в состав фабрично-заводских управлений. В январе 1921 г. В. И. Ленин отмечал, что руководящий аппарат промышленности на 61,6% состоит из рабочих[1]. В 1918—1921 гг. на командные технические должности было выдвинуто 3,5 тыс. рабочих и свыше 2 тыс. крестьян[2]. Это были люди, которые в недалеком будущем составили руководящее звено советской производственно-технической интеллигенции.

Были сделаны первые шаги по подготовке новых кадров педагогов из рабочих и крестьян. На необходимость классового подбора слушателей педагогических учебных заведений указывала, например, резолюция I Всероссийского съезда по просвещению «О подготовке учителей»: «При приеме в учебные заведения, готовящие учителей, необходимо отдавать предпочтение кандидатам пролетарских организаций и комитетов бедноты»[3]. В 1919 г. в стране было создано более 150 педагогических курсов. Общее количество слушателей на них составляло 6,5 тыс. человек[4]. Во многих республиках и национальных районах возникли краткосрочные учительские курсы. Слушатели их в течение трех — шести месяцев повышали общеобразовательный уровень, получали навыки педагогической работы.

Так было положено начало созданию кадров новой интеллигенции преимущественно из рабочих и крестьян. Первые десятки тысяч интеллигентов новой формации заняли командные посты в Красной Армии, возглавили органы государственной власти, руководили предприятиями и учреждениями, пришли в систему народного просвещения. Однако перемены еще не коснулись таких областей умственного труда, как наука, техника, медицина. В этих отраслях знаний процесс подготовки новой интеллигенции в учебных заведениях усилился с переходом к мирному строительству.

В начале переходного периода развернулось коренное переустройство высшей и средней специальной школы. Партийное совещание по вопросам народного образования, созванное при ЦК РКП(б) в конце декабря 1920 — начале января 1921 г., записало в своем решении, что необходимо обеспечить революционное направление высшей школы, политически воспитать всех проходящих через нее студентов, а также использовать высшую школу для подготовки возможно боль-

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1979, т. 5, с. 19.
[2] См.: *Иовлев А. М.* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров, с. 20.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 124.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 284.
[2] См.: *Бейлин А. Е.* Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М., 1935, с. 9.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 2306, оп. 2, д. 123, л. 37.
[4] См.: Народное просвещение, 1919, № 44—47, с. 13 (подсчет автора).

шего количества специалистов, вышедших из пролетариата и, в особенности, партийных [1]. Была особо подчеркнута важность усиления партийного влияния на руководство высшей школой. С этой целью рекомендовалось «назначить крупных партийных товарищей — организаторов, знающих высшую школу, ректорами высших учебных заведений. При недостатке вполне подходящих товарищей, назначать хотя бы и менее опытных в деле высшего образования, но стойких и энергичных партийных товарищей — заместителями ректоров (при ректорах из профессоров)» [2].

Бурный рост сети вузов и количества студентов, начавшийся в годы гражданской войны, не соответствовал экономическим возможностям государства. Поэтому с 1923 г. началось сокращение количества вузов и студенческого контингента. Закрывались вузы мало перспективные, не имевшие учебной базы и полноценных профессорско-преподавательских кадров. К середине 20-х годов сеть вузов стабилизировалась. В стране было 148 вузов, в которых обучалось 168 тыс. студентов. Сокращение не коснулось техникумов и состава их учащихся. Наоборот, эта категория учебных заведений непрерывно росла, достигнув к 1929 г. численности 1037 со 189 тыс. учащихся. Это диктовалось острой потребностью народного хозяйства в специалистах среднего звена.

Существенные изменения произошли в размещении вузов на территории страны. Значительное количество их возникло в национальных республиках. Однако география высшего и среднего специального образования все еще оставалась неудовлетворительной. Как и в дореволюционное время, основная масса вузов была сосредоточена в центре страны, главным образом в Москве и Петрограде. В дальнейшем размещение учебных заведений постепенно совершенствовалось.

Таким образом, несмотря на огромные материальные трудности, Советское государство сумело создать и укрепить систему подготовки кадров специалистов. В ноябре 1922 г. В. И. Ленин говорил: «Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат» [3].

[1] См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М. — Л., 1931, с. 354.
[2] Там же.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 291.

Создание сети вузов и техникумов было тесно связано с процессом коренного изменения социального облика и классового предназначения высшей школы. Воспитание молодой интеллигенции зависело от того, будет ли высшая школа институтом государственным, находящимся в орбите влияния партии, или автономной. В первые послеоктябрьские годы высшая школа пользовалась, по сути дела, неограниченной автономией. Но когда с очевидностью выявилась полная неприемлемость автономии как с политической, так и с организационной точки зрения, партия и государство приняли ряд мер для включения высшей школы в систему государственного управления.

В начале 20-х годов было принято несколько десятков постановлений по вопросам высшей школы. Наиболее значительное из них — подписанное В. И. Лениным «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» — фактически устав высшей школы. Оно практически покончило с автономией вузов, прочно включив их в общую систему государственных учреждений. Руководители вузов и факультетов стали ответственными перед государством советскими работниками. Исполнительная власть в учебных заведениях принадлежала правлению, работавшему под общим контролем Наркомпроса. Для обеспечения выдержанной советской линии в деятельности вуза создавался совет, в который входили представители партийных, профессиональных, советских организаций, профессоров и студентов. Таким образом, с реформой высшей школы Советское государство получило возможность регулировать и направлять всю учебную, воспитательную и хозяйственную деятельность вузов в соответствии с интересами социалистического строительства.

Ликвидация автономии высшей школы означала окончательное организационное завоевание ее Советским государством, что создавало благоприятные условия и для коренного изменения мировоззренческого направления учебного процесса, воспитания учащейся молодежи в духе марксизма-ленинизма. XII съезд РКП(б) указывал, что, «каковы бы ни были основные задачи каждого типа школы, в частности вузов и техникумов, она, вырабатывая специалиста в той или иной отрасли строительства, в то же время должна готовить в его лице общественно-политического работника, вооруженного теорией марксизма» [1]. При решении этой ответственной задачи партия опиралась на вузовские партийные организации, которые приобретали все больший авторитет в массах

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 458.

студенчества. К концу восстановительного периода партячейки вузов превратились в крупные коллективы, насчитывавшие сотни коммунистов. Так, в 1925 г. парторганизация Московской сельскохозяйственной академии насчитывала 757 членов, или 20% состава студентов, парторганизация Харьковского технологического института — 403 человека, или 20% студенческого коллектива, парторганизация Московского института народного хозяйства — 1050 членов, или 27% слушателей, парторганизация 1-го Московского университета — около 1800 человек, или 18% всего состава студентов [1].

В январе 1925 г. постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) система партийных органов в вузах была перестроена. Вместо отдельных, слабо связанных между собой партячеек студентов, научно-преподавательского состава и технических служащих были созданы общевузовские партийные организации. Это давало возможность более успешно вести работу по сплочению коллектива. Особое внимание уделялось активизации вузовских комсомольских и профсоюзных организаций, улучшению руководства ими со стороны парторганизаций.

Укрепление идеологического влияния партии на высшую школу было связано с улучшением социального и профессионального состава преподавательских кадров. Вузы освобождались от реакционных профессоров, состав высшей школы укреплялся опытными коммунистами. Во главе крупных вузов были поставлены большевики В. П. Волгин, В. П. Потемкин, И. М. Губкин, Н. П. Горбунов, Н. И. Челяпов и другие. Учитывая огромную потребность высшей школы в марксистских кадрах, XII съезд РКП(б) постановил «привлечь для обслуживания как комвузов, так и вузов вообще целиком всю подготовленную к этому делу часть старой партийной гвардии» [2]. В 1924—1925 гг. Центральный Комитет партии направил на преподавательскую работу только в московские вузы около 400 ответственных партийных и советских работников [3]. Среди них были А. С. Бубнов, П. А. Красиков, Н. В. Крыленко, М. М. Литвинов, П. И. Стучка, В. И. Межлаук, И. И. Скворцов-Степанов, В. Д. Бонч-Бруевич и другие.

В середине 20-х годов приступили к научной и педагогической работе профессора и преподаватели, подготовленные в советских вузах. В 1924 г. состоялся первый выпуск Института красной профессуры, готовившего для вузов преподавательские кадры по общественным наукам. В 1925 г. для подготовки научных работников и преподавателей высшей школы была учреждена аспирантура.

[1] См.: *Украинцев В. В.* КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963, с. 87.
[2] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 461.
[3] См.: Известия ЦК РКП(б), 1925, № 9, с. 3.

Наряду с привлечением в высшие учебные заведения возможно большего числа преподавателей-коммунистов партия бережно, тактично относилась к старой профессуре. В. И. Ленин энергично добивался, чтобы мероприятия Советской власти, методы руководства высшей школой не отталкивали профессуру, а, наоборот, сплачивали лучшую ее часть вокруг задач социалистического строительства.

Общеполитическая обстановка в стране, распространение марксистско-ленинской идеологии, воздействие партийных и профсоюзных организаций — все это не могло не повлиять на старую профессуру. В лекциях и на семинарских занятиях все больше внимания стало уделяться социально-экономическим вопросам, истории революционной борьбы, историческому материализму.

Одновременно с подготовкой кадров коренным образом менялись содержание преподавания в высшей школе, его давно сложившаяся система. Главный упор делался на то, чтобы учебные планы носили активный, действенный характер, были тесно связаны с задачами строительства нового общества, включали мировоззренческие науки. Этому способствовало введение в вузах с 1924 г. курса истории партии. В следующем году в ряде высших учебных заведений были созданы кафедры по истории партии и ленинизму.

Квалифицированные кадры партийной интеллигенции привлекались к составлению программ лекционных курсов и созданию учебников. Эту сторону деятельности Наркомпроса постоянно контролировал В. И. Ленин. Вскоре были подготовлены программы по историческому материализму, политической экономии, праву и Конституции РСФСР, а также и по другим общественным наукам. Они строились на принципах марксизма-ленинизма. В основу учебного процесса было положено изучение произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, партийных решений. В программах значительное внимание уделялось борьбе партии против антипартийных группировок, подчеркивалось международное значение ленинизма.

Реорганизация преподавания в высшей школе способствовала формированию марксистско-ленинского мировоззрения молодой советской интеллигенции. Внесение марксизма-ленинизма в лекционные курсы помогало студенчеству ориентироваться в той массе знаний, которые оно получало от старой профессуры.

Вузовские партийные организации проявляли постоянную заботу о воспитании молодежи в духе марксизма-ленинизма, стремились охватить своим идейным влиянием всю работу высшей школы, чтобы устранить буржуазное воздействие на пролетарское студенчество. Их усилия были направлены на коренное изменение социальной структуры учащейся молодежи, вытеснение из вузов буржуазного и мелкобуржуазного студенчества и замену его представителями рабочего класса и трудового крестьянства. Этот процесс развивался на протяжении всего переходного периода.

Наряду с пополнением студенческих рядов за счет выпускников рабфаков был принят ряд мер по регулированию приема в учебные заведения. Отбор поступавших, их классовая проверка проводились партийными и комсомольскими организациями, фабзавкомами и месткомами, а в сельской местности — волостными партийными, советскими и комсомольскими организациями. Классовый принцип комплектования учебных заведений находил выражение также в системе разверстки мест в вузы по отдельным организациям и ведомствам. Эта система вносила известную централизацию в комплектование высшей школы, позволяла создать благоприятные условия для увеличения рабоче-крестьянской прослойки.

В высшую школу, в техникумы пришли молодые люди, многие из которых с оружием в руках защищали революцию на фронтах гражданской войны, были коммунистами и комсомольцами. Учебу в вузе, овладение знаниями они рассматривали как важнейшее партийное поручение, являлись примером для остальной студенческой массы. Известный металлург, член-корреспондент Академии наук СССР В. С. Емельянов так вспоминал об учебе в Московской горной академии: «Даже посланные на учебу, мы стремились во что бы то ни стало приносить реальную пользу стране немедленно, работали где только могли. Ваня Тевосян[1] учился и одновременно заведовал орготделом Замоскворецкого райкома партии. Студент Завенягин[2], бывший в семнадцать лет секретарем уездного комитета партии в Донбассе, фактически занимал

[1] Тевосян И. Ф. (1902—1958) — советский государственный и партийный деятель, член КПСС с 1918 г. Возглавлял ряд промышленных наркоматов и министерств, с 1949 г.— зам. Председателя Совета Министров СССР.

[2] Завенягин А. П. (1901—1956) — советский государственный деятель, член КПСС с 1917 г. С 1933 г.— директор Магнитогорского металлургического комбината, позднее начальник строительства, а затем директор Норильского горно-металлургического комбината, ныне носящего его имя. С 1955 г.— министр среднего машиностроения и зам. Председателя Совета Министров СССР.

пост проректора академии. Его называли правой рукой Ивана Михайловича Губкина... Многие из нас пришли в Горную академию прямо с фронтов гражданской войны... Тем, кто с оружием в руках утверждал Советскую власть, теперь предстояло не только восстановить хозяйство страны, но и научиться им управлять. Нужда в специалистах была больше, чем даже в хлебе».

Начиная с середины 20-х годов дети рабочих и крестьян составляли примерно половину учившихся в вузах. Это был крупный успех в изменении классовой структуры студенчества. Тем не менее XIII Всероссийский съезд Советов (апрель 1927 г.) признал необходимым «принять меры к дальнейшему расширению доступа в вузы рабочей и крестьянской молодежи»[1]. В 1928 г. удельный вес рабочих и крестьян среди студентов вузов РСФСР составлял 51,1%, а служащих и интеллигенции — 39,4%[2]. Выходцев из буржуазии и дворянства в вузах осталось всего 0,3%, а в техникумах — 0,8%[3]. В предоставлении рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции, служащим права на образование, в его реальном осуществлении и заключался социальный смысл демократизации системы народного образования в стране.

За первые десять лет Советской власти для народного хозяйства было подготовлено около 150 тыс. специалистов высшей квалификации и почти 200 тыс.— средней квалификации, а всего — приблизительно 350 тыс. человек. «Потребности социалистического строительства,— отмечалось в постановлении ЦИК СССР в октябре 1927 г.,— поставили перед Советской властью важнейшую задачу создания рабоче-крестьянской интеллигенции. На этом пути мы имеем весьма значительные достижения: впервые в истории человечества десятки и десятки тысяч рабочих и крестьян и их детей приобщаются через наши рабочие факультеты и высшие учебные заведения к высшим ступеням научного знания»[4].

Несмотря на имевшиеся в то время недостатки в подготовке молодых кадров, специалист, выпускавшийся советской высшей школой, являлся интеллигентом новой формации, мировоззрение которого сформировалось на основе передовой марксистско-ленинской теории. Это давало ему возможность осмыслить свою роль в строительстве социализма, четко определить нравственные и идейные принципы, ориентироваться

[1] Съезды Советов в документах. 1917—1937. М., 1962, т. IV, ч. I, с. 102.

[2] См.: Культурное строительство СССР. М., 1929, с. 63.

[3] См.: Статистическое обозрение, 1927, № 5, с. 75.

[4] СЗ, 1927, № 61, ст. 615.

в сложных социальных проблемах эпохи, заставляло его непрерывно совершенствовать свою профессиональную подготовку.

Одним из важных каналов пополнения интеллигенции оставалось выдвиженчество. X съезд партии обязал Центральный Комитет и его Оргбюро «тщательно следить за выдвигающимися рабочими и систематически и неуклонно втягивать их в ответственную работу в центре и на местах»[1]. Решения съезда были конкретизированы затем в резолюциях X Всероссийской конференции РКП(б), в постановлениях ЦК партии, местных партийных организаций. В них указывалось на необходимость обучения выдвиженцев в партийно-советских школах, комуниверситетах, а также создания выдвиженцам необходимых условий для поступления в техникумы и вузы. Эти решения активно проводились в жизнь.

Выдвиженцы все в больших масштабах направлялись на руководящую административно-хозяйственную работу. Например, по данным 30 губерний, из среды рабочих за 1923—1927 гг. на ответственную работу было выдвинуто 25,6 тыс. человек[2]. Только по 15 объединениям тяжелой промышленности за 1926—1929 гг. на руководящие административно-технические должности было выдвинуто около 8 тыс. рабочих от станка[3]. Многие выдвиженцы возглавили советские и хозяйственные учреждения. Рабочие коммунисты С. И. Афанасьев, К. В. Уханов, И. А. Лихачев и другие стали директорами крупных заводов. Более половины руководителей высших органов промышленности и 75% директоров предприятий в прошлом работали у станка[4]. Значительная часть выдвиженцев пополнила партийно-советский аппарат. На рубеже первого десятилетия Советской власти из 27,6 тыс. коммунистов, профессионально занимавшихся партийной работой, 42,3% было выдвинуто из рабочих[5]. Одновременно шло и выдвижение крестьян, главным образом по линии советских органов, кооперативных организаций.

Как правило, выдвиженцы имели низкую общеобразовательную подготовку. Поэтому задача повышения их профессионального и общеобразовательного уровня стояла весьма

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 211.
[2] См.: *Яковлева М.* Выдвижение и орабочивание госаппарата Московской области. М., 1930, с. 9.
[3] См.: Правда, 1930, 24 июня.
[4] См.: Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967. М., 1968, с. 175.
[5] См.: Коммунисты в составе аппарата госучреждений и общественных организаций. Итоги Всесоюзной партийной переписи. М., 1929, с. 18.

остро. Большой школой для них стала практическая работа, учеба у специалистов. В. И. Ленин неоднократно указывал, что лучших рабочих и крестьян следует выдвигать на организаторскую и административную работу, но они не должны подменять специалистов, а *«направлять* работу и *учиться* у тех, у кого есть знания...»[1]. Лишь «пройдя все сроки обучения рядом со старыми специалистами», рабочие и крестьяне «становятся на их места, исполняют такие же задания...»[2].

IX съезд партии указал и конкретные формы такой учебы: 1) директор предприятия из рабочих и при нем в качестве помощника специалист; 2) инженер-специалист в качестве фактического руководителя предприятия и при нем комиссар из рабочих; 3) рабочие — один или два — в качестве помощников директора-специалиста[3]. Такие же методы применялись и в цехах, где выдвиженцы из рабочих назначались на руководящие должности с одновременным обучением у специалистов.

Партия обеспечивала для выдвиженцев и другие формы повышения своего профессионального и общеобразовательного уровня, создавала им возможность учебы по своей специальности на особых курсах, в техникумах и т. п. Они направлялись в профтехнические школы, совпартшколы, коммунистические университеты. По неполным данным, совпартшколы, которые по объему даваемых слушателям знаний приравнивались к техникумам, за 1921—1925 гг. окончило свыше 80 тыс. человек. Крупными центрами подготовки партийно-советских работников стали комуниверситеты — Среднеазиатский, Татарский, Закавказский, Коммунистический университет трудящихся Востока. За десять лет (1918—1928 гг.) Коммунистический университет им. Свердлова выпустил 19 тыс. человек.

Изменялся социальный облик и художественной интеллигенции. В литературу и искусство широким потоком вливались молодые силы, отражавшие в своем творчестве новое миропонимание, складывавшееся под воздействием Октябрьской революции. Многие писатели, деятели искусств вышли из рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Подводя итоги первого советского литературного десятилетия, журнал «На литературном посту» писал: «Из народных низин течет сейчас в литературу неудержимым потоком творческая энергия! Каждый новый год продвигает в литературу десятки новых имен, ранее неведомых.... Мы не можем здесь даже про-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 242.
[2] Там же, т. 39, с. 430.
[3] См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 157.

сто перечислить всех тех имен, которые творят современную литературу. По нашим приблизительным подсчетам, за эти десять лет выпускали свои произведения отдельными изданиями около 1000 человек. Среди них едва ли и сотня наберется таких, которые делали это и до революции» [1]. Впервые в эти годы со своими произведениями выступили писатели, многие из которых составили потом славу советской литературы: Д. Фурманов, М. Шолохов, Н. Тихонов, Н. Асеев, Л. Сейфуллина, Е. Чаренц, А. Гайдар, И. Бабель, А. Фадеев, А. Жаров, А. Веселый, А. Малышкин, Л. Леонов и многие другие.

Существенные сдвиги произошли в классовом составе военной интеллигенции. Рабочая прослойка среди командного состава за 1921—1928 гг. поднялась с 12 до 28%, а количество коммунистов увеличилось с 20 до 55%. Стабилизировалась сеть учебных заведений по подготовке военных кадров. Улучшился социальный состав курсантов и слушателей, среди них увеличилась партийно-комсомольская прослойка. Так, среди принятых в военные школы в 1928 г. рабочих было 55,4%, крестьян — 35, коммунистов — 24,5, комсомольцев — 52,4%. Росло количество командиров со специальным военным образованием. В 1921 г. его имели 56,6% командиров, а к началу 1928 г.— свыше 90% [2].

Важнейшей задачей партии являлось создание интеллигенции у ранее отсталых народов. По сути дела, интеллигенция как социальный слой у многих из них появлялась впервые, минуя этап формирования буржуазной интеллигенции. Этот процесс имел свои особенности, которые обусловливались такими факторами, как общая экономическая отсталость, фактическое неравенство национальностей, своеобразие уклада жизни, сильное влияние духовенства, низкая грамотность населения. Эти обстоятельства вызывали особые трудности и требовали изыскания новых путей и средств для их преодоления.

На первой стадии создания социалистической интеллигенции в республиках Средней Азии, Закавказья, у народов Поволжья, Сибири большую роль сыграло формирование партийно-советского аппарата, особенно из представителей коренной национальности. «Можно без преувеличения сказать,— пишет узбекский ученый А. К. Валиев,— что в 20—30-е годы подавляющее большинство местных руководителей и работников партийных, советских и хозяйственных орга-

[1] На литературном посту, 1927, № 21, с. 20.
[2] См.: *Иовлев А. М.* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров, с. 104.

нов, директоров заводов и фабрик, руководителей совхозов и колхозов были выдвинуты из среды рабочих, дехкан и батраков. Многие из них не имели достаточного образования, опыта партийно-политической и хозяйственно-организаторской работы... В ходе практической работы они получали необходимые навыки и знания» [1].

Особенностью формирования интеллигенции у некоторых народов, не прошедших капиталистическую стадию развития, было создание кадров работников культуры и просвещения, а затем уже подготовка инженерно-технической, научной, медицинской интеллигенции. Сначала нужно было сформировать те отряды интеллигенции, которые помогли бы в короткий срок преодолеть вековую культурную отсталость, особенно массовую неграмотность населения. Вот почему в ряде союзных и автономных республик подготовку интеллигенции приходилось начинать с организации широкой сети краткосрочных курсов и максимально использовать малочисленные средние педагогические учебные заведения. Краткосрочные курсы готовили учителей преимущественно для начальных школ и являлись наиболее массовым средством воспитания интеллигенции в национальных районах.

Отличительной чертой формирования интеллигенции в отсталых ранее районах являлась взаимопомощь братских народов нашей страны, и особенно помощь русского народа. Она выражалась в оказании финансовой поддержки, направлении кадров специалистов, в обучении юношей и девушек коренной национальности в вузах и техникумах других республик. Например, в Туркмении до конца 20-х годов основным источником формирования среднего звена национальной интеллигенции являлись выпускники учебных заведений братских республик.

Советское государство оказало большую помощь в развертывании сети специальных школ, техникумов, вузов в национальных республиках. До революции только Украина имела высшие учебные заведения. Их там было 28 да еще в Грузии один вуз. Другие народы высшей школы не имели. В 1927 г. в союзных республиках функционировало уже 58 вузов, в том числе на Украине — 39, в Белоруссии — 4, в Узбекистане — 3, в Грузии — 6, в Азербайджане — 3, в Казахстане — 1, в Армении — 2. Были приняты энергичные меры по подготовке кадров интеллигенции высшего звена из местных национальностей. В вузах страны в 1927 г. обучалось 24,6 тыс. ук-

[1] *Валиев А. К.* Интеллигенция Узбекистана за 50 лет.— Общественные науки в Узбекистане, 1967, № 7, с. 5.

раинцев, 4,9 тыс. белорусов, 4 тыс. грузин, 3,4 тыс. армян, 1,9 тыс. азербайджанцев.

Значительно возросло и количество техникумов в национальных республиках. Если до революции здесь их было 120, то в 1927 г.— 365. Помимо русских в техникумах обучались 21 тыс. украинцев, 5,7 тыс. грузин, 5,7 тыс. азербайджанцев, 4,5 тыс. белорусов, 3,6 тыс. узбеков, 3,6 тыс. армян, 2,5 тыс. казахов и представители многих других народов [1].

Партийные организации национальных республик уделяли большое внимание подготовке специалистов, особенно из коренного населения. Эти вопросы обсуждались на II съезде КП(б) Туркменистана (декабрь 1925 г.), на XIV областной конференции коммунистов Татарии (январь 1929 г.) и на многих других съездах и конференциях. Коммунисты Азербайджана обратили особое внимание на необходимость подготовки кадров специалистов из батрачек, беднячек, жен рабочих.

Таким образом, в создании национальной советской интеллигенции были сделаны первые, самые трудные шаги. И хотя количество первых советских инженеров, врачей, ученых, литераторов, учителей у народов Средней Азии, Закавказья, Поволжья было пока недостаточным, уже была заложена прочная основа формирования национальной интеллигенции в массовом масштабе, в количествах, удовлетворявших потребности народного хозяйства и культуры быстро развивавшихся советских национальных республик.

Советское государство значительно продвинулось вперед в решении проблемы создания новой интеллигенции. Подготовка специалистов, успехи в перевоспитании старой интеллигенции, учеба на различного рода курсах, в системе партийно-советских школ, выдвижение наиболее подготовленных рабочих и крестьян на руководящую работу — все это в значительной степени обусловило крупные изменения в количественном, возрастном, национальном составе интеллигенции.

Существенные изменения произошли в социальном облике интеллигенции. К началу первой пятилетки она наполовину состояла из представителей рабочих и крестьян. Рост численности интеллигенции за счет выходцев из рабочего класса и крестьянства явился значительным социальным завоеванием партии и Советского государства.

[1] См.: Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. Статистический сборник. М., 1957, с. 283.

2. Завершение процесса формирования новой интеллигенции

В условиях социалистического строительства система подготовки высококвалифицированных кадров потребовала новых крупных преобразований. Вопросы формирования кадров новой интеллигенции были предметом обсуждения ряда пленумов ЦК ВКП(б), многих областных партконференций, пленумов ЦК компартий союзных и автономных республик, обкомов, горкомов, райкомов партии, собраний первичных парторганизаций. Основные направления и методы подготовки кадров специалистов народного хозяйства и культуры в новых исторических условиях партия определила в постановлениях апрельского (1928 г.) Объединенного пленума ЦК и ЦКК, июльского (1928 г.) и ноябрьского (1929 г.) Пленумов ЦК ВКП(б).

В партийных документах было вновь подчеркнуто, что проблема кадров — проблема классовая, ибо «не только хозяйственная необходимость, но и процесс политического расслоения среди специалистов в обстановке обостренной классовой борьбы в стране с величайшей остротой ставит перед советским государством задачу подготовки новых кадров пролетарских специалистов» [1]. Было дано четкое обоснование плановому началу в развитии высшей и средней специальной школы, указано на необходимость форсированной подготовки кадров. Особое внимание обращалось на воспитание технической интеллигенции и специалистов сельского хозяйства. Главным звеном в решении проблемы кадров по-прежнему оставалась подготовка специалистов в учебных заведениях.

Исходя из ленинского принципа подбора кадров по их деловым и политическим качествам, партия сформулировала требования, которым должны отвечать советские специалисты в условиях социалистического строительства. «Эти кадры,— указывал ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б),— должны обладать достаточно глубокими специально-техническими и экономическими знаниями, широким общественно-политическим кругозором и качествами, необходимыми для организаторов производственной активности широких масс трудящихся» [2]. Решения пленумов ЦК приковали к проблеме кадров внимание партийных, советских, профсоюзных, комсо-

[1] КПСС в резолюциях... М., 1970, т. 4, с. 336.
[2] Там же, с. 335.

кадров. ЦК ВКП(б) неоднократно обсуждал вопросы укрепления материальной базы учебных заведений, приближения их к производству, активизации вузовских партийных организаций. Задачи социалистического строительства, ускорение темпов технического прогресса требовали повышения уровня политической и профессиональной подготовки специалистов. На XVII партийной конференции Г. К. Орджоникидзе подчеркивал: «Качество подготовки — вот основной вопрос, так как молодым инженерам и техникам надо готовиться к тому, чтобы вести работу на заводах с новейшей техникой и сложнейшим техническим процессом»[1].

Меры дальнейшего повышения качества обучения и воспитания будущих специалистов были определены в ряде документов партии и государства, в первую очередь в постановлении ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» (сентябрь 1932 г.) и постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» (июнь 1936 г.). Деятельностью учебных заведений непосредственно занимались такие крупные партийные работники, как А. С. Бубнов, Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, В. В. Куйбышев, А. В. Луначарский, Г. К. Орджоникидзе, М. Н. Покровский, П. П. Постышев.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по развитию высшего и среднего специального образования дали благотворные результаты. За годы первой пятилетки народное хозяйство страны получило из высших учебных заведений 170 тыс. специалистов, за годы второй пятилетки — 370 тыс., за 1938—1940 гг. — еще 328 тыс. Выпуск из техникумов составил соответственно 291 тыс., 623 тыс., 678 тыс. человек[2].

Главным направлением своей организаторской работы партия считала подготовку специалистов для ключевых отраслей народного хозяйства. За десять лет (1928—1937 гг.) втузы подготовили для промышленности, строительства, транспорта и связи 211 тыс. инженеров. За эти же годы техникумы выпустили около 319 тыс. специалистов средней квалификации[3]. Особенно много молодых инженеров и техников получили машиностроение, металлургия, энергетика, капитальное строительство. За годы довоенных пятилеток примерно в 17 раз возросло количество специалистов сель-

[1] XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1932, с. 30.
[2] См.: Народное образование, наука и культура в СССР, с. 248.
[3] См. там же, с. 176.

ского хозяйства с высшим и средним специальным образованием.

По-прежнему большое внимание уделялось массовому привлечению в вузы и техникумы рабочих, трудящихся крестьян, особенно колхозников, коммунистов и комсомольцев. Важную роль в формировании классового состава студенчества продолжали играть рабфаки. Только за первую половину 30-х годов они передали в вузы свыше 250 тыс. человек. Различные курсы подготавливали рабоче-крестьянскую молодежь для поступления в вузы и техникумы. С развитием общеобразовательной средней школы курсы и рабфаки, выполнив свое назначение, прекратили существование.

Характерной чертой формирования студенческого контингента являлись наборы так называемых «партийных тысяч» в вузы и техникумы. Первый такой опыт был осуществлен на основании решения июльского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б), подчеркнувшего, что подобные наборы следует «практиковать ежегодно в течение ближайших лет»[1]. Ноябрьский (1929 г.) Пленум постановил послать в 1930—1932 гг. во втузы не менее 5 тыс., а в сельскохозяйственные вузы 3 тыс. человек. На ВЦСПС была возложена обязанность в ближайшие два года направить в вузы 10 тыс. рабочих, а ЦК ВЛКСМ должен был ежегодно подготавливать и направлять во втузы и техникумы до 5 тыс. человек.

Политуправлению РККА было поручено подготовить из числа демобилизованных рабочих и крестьян не менее 3 тыс. человек[2]. Среди направленных в вузы и техникумы в счет «партийной тысячи» были коммунисты с большим стажем, директора заводов, партийные, профсоюзные и комсомольские работники. По окончании учебы многие из них направлялись на руководящую работу, стали впоследствии выдающимися хозяйственными и государственными деятелями. Например, В. А. Малышев являлся крупным руководителем промышленности, а в последние годы жизни работал заместителем Председателя Совета Министров СССР.

В 1932—1933 гг. командировки-мобилизации на учебу, сыграв свою положительную роль, были отменены. Подавляющее большинство мест в учебных заведениях стало замещаться обычным порядком, через вступительные экзамены.

Яркой страницей в борьбе партии за демократизацию образования явилось привлечение в вузы и техникумы женщин.

[1] КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 117.
[2] См. там же, с. 341.

Активное участие принимала интеллигенция в подготовке и проведении выборов в Верховный Совет СССР в 1937 г. Многие учителя, инженеры, агрономы, научные работники входили в состав избирательных комиссий, работали в качестве агитаторов и пропагандистов. Кандидатами в депутаты были выдвинуты командиры производства, деятели науки, литературы, искусства, народного образования. В первом составе Верховного Совета СССР интеллигентов и служащих было 28,5%. По числу выборных представителей работники умственного труда во всех звеньях государственной власти занимали второе, после рабочих, место. Среди избранников народа были ученые А. А. Байков, И. М. Губкин, И. П. Бардин, В. Л. Комаров, Н. В. Цицин, Г. М. Кржижановский, Н. Н. Бурденко, О. Ю. Шмидт, А. А. Богомолец, писатели А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, артистка Е. П. Корчагина-Александровская и другие представители советской интеллигенции. Беспартийному ученому академику А. Н. Баху, как старейшему по возрасту депутату, выпала честь открыть первую сессию Верховного Совета СССР. Все это свидетельствует о том, что интеллигенция в годы строительства социализма играла заметную роль в государственной жизни.

Значительный интерес представляет анализ удельного веса интеллигентов и служащих в составе Коммунистической партии и ее руководящих органов. Коммунисты никогда не закрывали двери в партию интеллигентам, усвоившим мировоззрение рабочего класса. В резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» II Всероссийская партийная конференция (сентябрь 1920 г.) подчеркивала, что, «различая членов партии лишь по степени их сознательности, преданности, выдержанности, политической зрелости, революционной опытности, готовности к самопожертвованию,—партия борется со всякими попытками проводить различие между членами партии по какому-либо другому признаку: верхи и низы, интеллигенты и рабочие, по национальному признаку и т. п.» [1].

В годы гражданской войны большевистская партия непрерывно пополнялась за счет наиболее революционных элементов общества. Значительный удельный вес в партии составляли интеллигенты и служащие [2]. В 1920 г. их было 25% общего состава партии. Среди них насчитывалось 6,5 тыс. техников и механиков, около 10 тыс. педагогов и

[1] Справочник партийного работника. М., 1921, вып. 1, с. 48.

[2] К служащим относились кроме канцелярских и конторских служащих также и все прочие категории наемных работников интеллигентного труда (народные учителя, чертежники, фельдшеры и т. п.).

других работников народного просвещения, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 1 тыс. агрономов, землемеров, ученых-лесоводов, 1,6 тыс. инженеров, литераторов, статистиков, юристов, 2 тыс. деятелей искусств, 5,3 тыс. работников связи, а также 45 тыс. служащих государственного аппарата, 1,7 тыс. военных специалистов [1].

В партию вступали бывшие офицеры, ставшие видными советскими военачальниками: Н. В. Куйбышев, М. А. Демичев, М. Н. Тухачевский, М. Я. Германович, Е. И. Ковтюх, Н. Д. Каширин, М. К. Левандовский, В. М. Орлов и другие. С большевистской партией связали свои судьбы В. Я. Брюсов, В. Э. Мейерхольд, Л. М. Рейснер, А. И. Свирский, М. К. Курако, Ю. Н. Либединский, С. Сейфуллин, Ф. В. Гладков, О. Ю. Шмидт, Е. С. Варга, П. П. Бажов, В. М. Киршон, М. Е. Кольцов, С. П. Подъячев, В. П. Полонский, А. С. Серафимович, В. Н. Сосюра, А. А. Фадеев, И. С. Фефер, Е. Чаренц и многие другие видные деятели советской науки, литературы, искусства.

В первые послеоктябрьские годы интеллигентов принимали в партию на общих основаниях, наравне с рабочими и крестьянами. Однако вскоре, в условиях классовой борьбы, встала задача бороться с наплывом в партию буржуазных и мелкобуржуазных элементов, более тщательно отбирать вступающих в ряды большевиков. В 1919 г. VIII Всероссийская партийная конференция установила порядок, согласно которому каждый вступавший в партию должен был обязательно пройти кандидатский стаж. Его целью являлась проверка личных качеств вступающего, а также ознакомление с Программой и Уставом партии.

Кандидатский стаж способствовал более тщательной политической подготовке партийного пополнения, но он не мог полностью оградить партию от проникновения людей, использовавших партийный билет в карьеристских, а подчас и антипартийных целях. Положение осложнялось тем, что в первые послереволюционные годы в большевистскую партию вступило более 22,5 тыс. выходцев из мелкобуржуазных партий и группировок, главным образом из меньшевиков и эсеров [2]. Конечно, такие люди, как С. И. Аралов, А. И. Егоров, С. Г. Лазо, Ю. В. Саблин, И. М. Майский, Ф. К. Миронов, Д. А. Фурманов и многие другие, порвавшие с эсерами, меньшевиками и вступившие в Коммунистическую партию, стали

[1] См.: Личный состав РКП в 1920 г. М., 1921, с. 28—29.

[2] См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1923, вып. 4, с. 44,

подлинными большевиками-ленинцами. Однако было и немало таких, которые пытались вступление в Коммунистическую партию использовать в неблаговидных целях.

X съезд РКП(б) в своей резолюции указывал: «Разложение старых классовых группировок (в особенности разложение интеллигенции), а также разложение оппозиционных социалистических партий (меньшевики, эсеры) дало приток этих элементов в ряды нашей партии, причем они, обладая уже опытом своей прежней работы,— при относительном сокращении воспитательной работы среди общей массы членов партии и крайней потребности в активных и опытных работниках,— могли быстро продвигаться по иерархической советской, военной, профессиональной и партийной лестнице»[1]. И, действительно, среди руководящих работников губернского масштаба и выше в июле 1921 г. 24,2%, а среди работников уездного масштаба 16%[2] были выходцами из других партий.

В 1922 г. на XI съезде партии были установлены условия приема в партию в зависимости от социального положения вступающего. Съезд выделил три категории: рабочих, крестьян и служащих. Этот порядок приема в партию предоставлял определенные преимущества рабочим и предъявлял повышенные требования к крестьянам и служащим. Например, если кандидатский стаж для рабочих составлял шесть месяцев и они должны были представлять три рекомендации с трехлетним партийным стажем рекомендующих, то для служащих кандидатский стаж определялся в два года и от них требовалось пять рекомендаций с пятилетним партийным стажем рекомендующих.

Вместе с тем перед интеллигентами выдвигался и ряд особых требований, предусматривавших повышение общественно-политической активности желавших вступить в партию. Так, Пленум ЦК РКП(б) в августе 1921 г. записал в своем решении: «Не принимать в партию интеллигентных выходцев из буржуазной среды, если они не выразят полного согласия с п. 13 Программы[3]. Считать по отношению ко всем развитым, сознательным, интеллигентным членам партии этот пункт не только обязательным, но и требовать активного его проведения в жизнь, т. е. участия в культурно-просветительной деятельности, направленной против религии»[1].

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 208.
[2] См.: Известия ЦК РКП(б), 1922, № 3, с. 38.
[3] Этот пункт Программы РКП(б) обязывал членов партии вести широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду в массах трудящихся.

Предъявляя к служащим и интеллигенции повышенные требования, партия привлекала в свои ряды наиболее передовые элементы этого социального слоя, способные активно участвовать в социалистическом строительстве, бороться за генеральную линию партии. XIII съезд РКП(б) указывал, что при приеме в партию интеллигентов и служащих «должны соблюдаться не только установленные формальные условия, но также должна обязательно выясняться *по существу* способность нового члена партии на деле помогать партии и органам пролетарской диктатуры»[2].

Меры по регулированию социального состава партии были восприняты левацкими элементами как сигнал для проведения «жесткой» политики по отношению к интеллигенции. Так, в начале 20-х годов «рабочая оппозиция» выступила с требованием исключить из партии всех выходцев из буржуазной среды. Это касалось главным образом интеллигенции. Газета «Правда» подвергла это явно абсурдное требование резкой критике[3].

Вопреки демагогическим призывам об исключении из партии интеллигентов директива ЦК РКП(б) «Об очистке партии» подчеркивала необходимость того, чтобы «действительно честных и преданных партии советских служащих и выходцев из буржуазной интеллигенции оставить в наших рядах. Но по отношению к сколько-нибудь сомнительным элементам из этой среды мы должны быть беспощадны»[4]. Потерпели провал и требования троцкистов «снять перегородки», отменить ограничения и открыть доступ в партию «всем желающим». Партия твердо придерживалась линии на регулирование роста своих рядов в интересах рабочего класса, пополняя их также за счет трудового крестьянства, служащих, интеллигенции.

Ограничения при приеме в партию интеллигентов и служащих ни в коей мере не означали полного «орабочения» партии, прекращения доступа в нее представителей других социальных групп. Например, служащих в 1922 г. в ее рядах было 23,1%[5]. Речь шла, таким образом, не о возведении искусственных барьеров для интеллигенции, а о более стро-

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 278.
[2] Там же, т. 3, с. 56.
[3] См.: Правда, 1921, 16 октября.
[4] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 275.
[5] См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, вып. 4, с. 37.

партии (декабрь 1931 г.) обязал райкомы и парткомы принимать в члены партии «лучших специалистов и других работников, на деле борющихся вместе с рабочим классом за социалистическое строительство, показавших себя в борьбе за генеральную линию партии и проявивших себя на общественной работе, предъявляя большие требования в отношении марксистско-ленинской теоретической подготовки» [1].

Успехи советского народа в хозяйственном и культурном строительстве, трудовой энтузиазм масс оказывали огромное влияние на интеллигенцию. Тяга в партию резко возросла. Коммунистами становились люди с большими производственными, научными или творческими заслугами, доказавшие на деле преданность социализму. В эти годы членами партии стали писатель М. А. Шолохов, ученые Н. М. Тулайков, Л. В. Писаржевский, поэт М. Танк и другие деятели науки и культуры. Кинорежиссер В. И. Пудовкин писал в заявлении о приеме в партию: «Мое творчество не может развиваться и расти без глубокого и решающего влияния героической борьбы рабочего класса за социализм... Я хочу служить партии и пролетарскому государству не как попутчик, а как сознательный боец» [2].

Особенно много заявлений поступало от инженеров и техников. Журнал «Инженерный труд» систематически публиковал сводки поступавших в местные партийные организации заявлений от инженерно-технических работников. Только за несколько месяцев 1930 г. по ряду областей страны было подано 3,5 тыс. заявлений, в том числе от инженеров и техников, имевших 15 и более лет производственного стажа. В партийную ячейку ВСНХ УССР поступило коллективное письмо от 24 научных работников и инженеров, в котором так излагались мотивы, побудившие их вступить в партию: «Мы считаем, что основные массы честного советского инженерства не могут иметь интересов, отличных от интересов рабочих и трудящихся крестьян, а также Коммунистической партии большевиков, которая ведет к социализму. Мы считаем необходимым отдать все наши силы, мысли и знания в ее распоряжение». Накануне XVI съезда партии свыше 4 тыс. лучших инженерно-технических работников подали заявления о приеме в ее ряды.

Усилилась тяга в партию и среди других групп интеллигенции. В июне 1930 г. стал коммунистом известный советский военачальник С. С. Каменев. В заявлении на имя XVI съезда партии он писал: «Я был с вами, был ваш — теперь хочу быть в ваших рядах — сплоченной партии большевиков-ленинцев, почему и обращаюсь к XVI съезду с просьбой о принятии меня в ВКП(б). Я хочу остаток своей жизни, теперь политически сознательный и подготовленный, отдать социалистическому строительству как член партии» [1].

Вступление в партию налагало на интеллигента-коммуниста серьезные обязанности. Он не только должен быть передовым в работе и учебе, но и вести активную организаторскую работу среди беспартийной интеллигенции, быть проводником влияния партии среди различных интеллигентских слоев, сплачивать массу беспартийных специалистов на выполнение задач социалистического строительства. XVI Московская губпартконференция (1928 г.) подчеркивала: «Перед новой пролетарской коммунистической интеллигенцией должна быть четко поставлена задача повышения своей собственной научной квалификации и действительного завоевания прочного влияния пролетарской идеологии во всех областях знания, сплочения с этой целью вокруг себя широких масс старой интеллигенции, уже готовой отдавать свои знания и труд делу социалистического строительства, широкого использования опыта и знаний этой старой интеллигенции» [2].

Количество коммунистов-служащих росло с каждым годом. В середине 1932 г. их было в партии 28,4%. Однако предпочтение отдавалось тем работникам умственного труда, которые по роду занятий стояли ближе к производству, принимали активное участие в развитии социалистической культуры. Партийная общественность выступала за упрощение и облегчение процедуры приема интеллигентов в партию, с тем чтобы в числе служащих первое место принадлежало специалистам науки, техники, культуры. «Мы заинтересованы в том,— писал журнал «Партийное строительство»,— чтобы в партию вступали из числа служащих, прежде всего, представители городской и сельской интеллигенции» [3].

Прослойка интеллигенции в партии росла главным образом за счет выходцев из рабочего класса и крестьянства, выдвинутых на командные административные и хозяйственные посты, на партийную и советскую работу и перешедших в разряд служащих. Так, в 1926 г. среди членов партии слу-

[1] Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917—1940 гг.). Уфа, 1959, с. 590.
[2] Партийное строительство, 1930, № 6, с. 32.

[1] XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.— Л., 1930, с. 106.
[2] Резолюции и постановления XVI Московской губернской конференции ВКП(б). М.— Л., 1928, с. 27.
[3] Партийное строительство, 1930, № 6, с. 35.

жащих по социальному положению было 15,9%, а по роду занятий — 34,4% [1].

Еще больше увеличился этот разрыв в последующий период. В 1932 г. в группу служащих перешло около 240 тыс. коммунистов по социальному происхождению из рабочих. К январю 1933 г. в советских учреждениях и на предприятиях насчитывалось свыше миллиона коммунистов-служащих по роду занятий. Однако по социальному происхождению 51,7% из них — рабочие, 23,3% — крестьяне. На долю собственно служащих приходилось, таким образом, лишь 25%. За 1930—1934 гг. на советскую, административно-хозяйственную работу, а также на учебу было направлено 666 тыс. коммунистов-рабочих [2]. Ясно, что слой «служащие» в партии в основе своей являлся рабоче-крестьянским.

Несколько иными были пропорции среди специалистов. В 1937 г., по данным обмена партдокументов, среди членов партии — специалистов с высшим образованием выходцы из рабочих составили 47,3%, из крестьян — 10% [3]. В дальнейшем советская интеллигенция, сформировавшаяся как социальный слой, все больше выдвигает из своей среды коммунистов. Возрастает количество работников умственного труда — выходцев из служащих, из интеллигенции.

Среди интеллигентов — членов партии абсолютно преобладала доля молодых специалистов, получивших образование в конце 20 — начале 30-х годов. По данным обмена партдокументов, 87,2% коммунистов — специалистов с высшим образованием окончили вуз после 1928 г. [4]

В условиях сложившегося морально-политического единства советского общества, его изменившейся классовой структуры, а также учитывая возросшую роль интеллигенции в социалистическом строительстве, XVIII съезд ВКП(б) отменил существовавшие ранее ограничения и установил единые условия приема в партию. Был введен одинаковый кандидатский стаж для всех вступающих, независимо от их социальной принадлежности. Съезд дал решительный отпор нигилистическим взглядам на советскую интеллигенцию как на силу, чуждую или даже враждебную рабочему классу и крестьянству, и вновь подчеркнул необходимость уважительного к ней отношения, тесного сотрудничества с ней во имя интересов социализма.

[1] См.: Состав ВКП(б) на 1 июля 1926 г. М., 1926, с. 4—5.

[2] См.: *Барсуков Н. А., Юдин И. Н.* Социальная база КПСС. М., 1967, с. 32.

[3] См.: *Юдин И. Н.* Социальная база роста КПСС. М., 1973, с. 186.

[4] См. там же, с. 181.

Решения съезда, направленные на повышение роли интеллигенции во всех сферах жизни общества, способствовали увеличению удельного веса специалистов в партии. Если в 1927 г. коммунистов с высшим и средним специальным образованием было всего 24,9 тыс. человек, в 1937 г.— 177,1 тыс., то в 1941 г. их стало 600,5 тыс. человек. К началу войны 53,7% командиров Красной Армии являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б) [1]. Коммунистами стали многие выдающиеся деятели науки, техники, литературы, искусства, просвещения: В. И. Лебедев-Кумач, Н. Н. Ляшко, А. Молдыбаев, К. К. Марджанишвили, Н. С. Рыбак, В. Н. Собко, Н. Н. Бурденко, Н. В. Цицин, А. С. Яковлев, В. В. Барсова, Н. К. Черкасов, А. И. Абрикосов и другие. В целом же доля служащих и интеллигенции в составе партии возросла к 1941 г. до 34,1% [2]. Увеличение удельного веса интеллигенции в партии — важный показатель превращения ее в партию всего народа.

Интеллигенция играла значительную роль и в партийном аппарате. В руководящее ядро партии входила самая прогрессивная часть интеллигенции, самоотверженно отдававшая силы, знания, жизнь делу освобождения трудящихся. Многие из интеллигентов-большевиков были профессиональными революционерами. После победы социалистической революции на их плечи легла гигантская работа, связанная с защитой революционных завоеваний и организацией социалистического строительства.

Высокообразованные люди, талантливые организаторы, интеллигенты-большевики обладали глубокой научно-теоретической подготовкой, широтой политического кругозора. Они вносили в партийный аппарат высокую культуру работы с партийными массами. В конце 1920 г. среди ответственных партийных работников губернского звена интеллигенты и служащие составляли 47,6%. В горкомах и уездных комитетах партии этот процент был несколько меньшим.

Среди секретарей обкомов и губкомов партии служащие и интеллигенты составляли к XI съезду партии 71,4%. Но уже на следующий год их было 44,5%, рабочих же — 54,5%. К XIII съезду партии секретарей губкомов и обкомов из служащих и интеллигенции стало 48,6%, из рабочих—51,4% [3].

[1] См.: *Шкадов И. Н.* Кадры Советской Армии и Военно-Морского Флота. М., 1977, с. 22.

[2] См.: *Беляков В., Золотарев Н.* Партия укрепляет свои ряды. М., 1970, с. 143.

[3] См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение, с. 45, 53.

В 1925 г. среди членов пленумов губернских и областных комитетов служащие и интеллигенты составляли 25,4%, рабочие — 56,9%, а в 1927 г.— соответственно 29,5 и 54,7%[1]. В числе ответственных работников партийных аппаратов губкомов служащих и интеллигенции было больше, например, к XIII съезду партии — 63,8%. Среди секретарей горкомов и укомов партии, а также членов пленумов этих комитетов доля интеллигентов и служащих была значительно ниже. Например, в октябре 1925 г. в числе секретарей укомов партии они составляли 31,5%, а рабочие — 56,2%[2].

Рабочие были преобладающей группой и среди секретарей низовых партячеек. К XIII съезду партии в этой группе работников рабочих было 46,8%, крестьян — 34,8, служащих и интеллигентов — 18,4%. В последующие годы доля служащих и интеллигентов в низовом звене партийного аппарата несколько уменьшалась и в 1929 г. составила 17,6%.

Относительно высокий процент интеллигентов и служащих в руководящем звене парторганов давал повод левацким элементам для демагогических заявлений о якобы приниженном положении рабочих и крестьян в партии. Подобные заявления полностью опровергались конкретными цифрами социального состава работников партийного аппарата, которые публиковал журнал «Известия ЦК РКП(б)».

Партийная печать неоднократно выступала против неправильного представления о роли интеллигенции в партии. «...Пора более решительно выдвинуть вопрос о необходимости отпора тем махаевским тенденциям[3],— писал журнал «Партийное строительство» в 1929 г.,— которые до сих пор не изжиты в наших парторганизациях. Нередки случаи, когда вполне проверенных в период всей революции, годных и способных членов партии не используют целесообразно только потому, что они по происхождению не рабочие. Бывает, что такая судьба постигает и партийных профессионалов не из рабочих, которых либо снимают с партработы, либо используют на второстепенной работе». В то же время журнал резко критиковал тех работников, которые, кичась своим пролетарским происхождением, не желали ликвидировать элементарную безграмотность и безнадежно отставали от общего темпа развития социалистического общества.

[1] См.: *Дмитренко С. Л.* Состав партийных комитетов в 1924—1927 гг.— Исторические записки, 1966, № 79, с. 101.

[2] См.: Партийные, профсоюзные и кооперативные органы и госаппарат к XIV съезду РКП(б). М.—Л., 1926, с. 11—21.

[3] Махаевские тенденции, махаевщина — мелкобуржуазное течение в российском революционном движении, возникло в конце XIX в. Названо по имени В. К. Махайского, считавшего интеллигенцию враждебным пролетариату паразитическим классом.

Общеобразовательный уровень партийных кадров неуклонно повышался. К руководству партийными организациями все чаще выдвигались коммунисты, имевшие высшее или среднее специальное образование. На XVIII съезде партии приводились такие данные: среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий 58,9% имели высшее и среднее образование, среди секретарей райкомов и горкомов— 28,6, заведующих отделами обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий — 64,1%[1]. Увеличение количества партийных работников с высоким образовательным цензом явилось результатом не только выдвижения на партийную работу интеллигентов и служащих, уже окончивших учебные заведения, но и в значительно большей степени постоянной, целеустремленной учебы рабочих и крестьян в системе партийного и общего образования. Заботясь о повышении образовательного уровня партийных кадров, ЦК ВКП(б) руководствовался ленинским указанием о том, что нужно быть компетентным, иметь известное научное образование, для того чтобы управлять[2].

Однако повышение общеобразовательного уровня руководящих кадров ни в коей мере не означало, что рабочий класс утратил свое первенствующее значение в партии. Подавляющее большинство руководящего аппарата партии попрежнему составляли рабочие. Многие из них пришли на партийную работу с производства, окончив вузы и техникумы или повысив свой общеобразовательный уровень без отрыва от работы. Получив диплом, они отнюдь не отошли от своего класса, не перестали выражать его интересы.

Активное участие интеллигенции во внутрипартийных делах убедительно свидетельствует, что рабочий класс не отгораживался от непролетарских масс, а приобретал себе союзников и помощников во всех социальных группах общества. Ведь сила рабочего класса во многом зависит от возможностей поддерживающей его интеллигенции, от степени ее активности. В то же время интеллигенция лишь тогда обретает реальную силу, когда последовательно выступает на стороне рабочего класса, переходит на его идейные позиции. Именно этот двусторонний процесс укрепления и расширения связей между рабочим классом и интеллигенцией нашел яркое отражение в социальном составе партии.

[1] См.: Партийное строительство, 1939, № 7-8, с. 56.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 215.

с латышским буржуазным национализмом» [1]. Крупными политическими событиями в жизни прибалтийских республик явились съезды интеллигенции Эстонии и Литвы, призвавшие работников умственного труда теснее сплотиться вокруг большевистской партии и Советской власти.

Советская интеллигенция в условиях войны продемонстрировала высокие морально-политические, боевые и деловые качества. Ярким свидетельством ее политической зрелости и глубокого патриотизма был все возраставший приток интеллигенции в Коммунистическую партию. В трудные военные годы лучшие ее представители не мыслили своей жизни и борьбы вне рядов партии.

В декабре 1943 г. с большим и взволнованным письмом в ЦК ВКП(б) обратился ученый Е. О. Патон. Ему было уже более 70 лет. В письме он откровенно рассказал, что в первые годы Советской власти считал нереальными планы большевиков сделать Россию могучей державой. Однако продолжал честно трудиться, ибо в труде видел смысл жизни. Шло время, и ученый убеждался, сколь не прав был в своих сомнениях. Он увидел воочию, что коммунисты свое слово сдержали. Мировоззрение ученого постепенно изменялось. Война показала, что партия умеет не только строить, но и защищать труд народа, честь и независимость Родины. И Е. О. Патон написал заявление о приеме в ряды коммунистов, выразив желание «продолжать и закончить мою трудовую жизнь под знаменем партии большевиков» [2]. Политбюро ЦК ВКП(б) удовлетворило его просьбу: он стал коммунистом.

Глубокая вера в партию, в ее способность руководить всенародной борьбой за лучшие идеалы человечества привлекла в ряды коммунистов большой отряд художественной интеллигенции. Сразу же после митинга, состоявшегося в первый день войны в Театре им. Вахтангова, в партийную организацию обратились артисты Б. Захава, А. Кашперов и многие другие с просьбой принять их кандидатами в члены ВКП(б). В первые дни войны в партию вступили К. Симонов, Е. Долматовский, И. Сельвинский, П. Антокольский и другие литераторы. В своем заявлении М. Шагинян писала: «Прошу принять меня в ВКП(б), потому что сейчас, когда решаются судьбы человечества, когда нашей Родине грозит вторжение фашистских банд, я не могу оставаться вне партии большевиков... Мне 53 года, но я чувствую себя еще сильной и способной на активную борьбу и пером, и обеими руками, если понадобится» [1].

[1] *Пельше А.* Задачи интеллигенции в борьбе с латышским буржуазным национализмом. Речь на 1-м республиканском съезде интеллигенции Советской Латвии. Рига, 1945, с. 4.

[2] *Патон Е. О.* Воспоминания. М., 1958, с. 331.

Многие писатели, художники, артисты становились коммунистами на фронте, в партизанских отрядах, в осажденных врагом городах. Писатель Ю. Крымов в своем последнем письме жене писал: «Ты понимаешь, я всегда чувствовал, что буду вступать в партию в обстановке жестокой борьбы. Но действительность превзошла все мои предчувствия. Я вступил в партию в тот момент, когда все соединение находится в окружении, то есть накануне решающего смертельного боя для меня и моих товарищей» [2].

В годы войны связали свою судьбу с партией многие деятели науки, техники, литературы, искусства. В 1941—1945 гг. коммунистами стали ученые Н. С. Державин, А. Ф. Иоффе, А. Б. Северный, А. Н. Аскоченский, А. Н. Несмеянов, А. И. Берг, Р. С. Амбарцумян, А. Р. Иоаннисян, писатели П. Г. Тычина, М. Ф. Рыльский, С. П. Бородин, Л. К. Татьяничева, М. И. Алигер, Г. С. Фиш, Н. И. Рыленков, деятели искусств Ю. А. Завадский, О. В. Лепешинская, Б. А. Александров, Н. П. Хмелев, С. И. Чиковани и многие другие выдающиеся деятели советской культуры.

Интеллигенция являлась крупным источником пополнения партийных организаций. Например, с октября 1942 по июль 1943 г. в Московской городской партийной организации среди принятых кандидатами в члены ВКП(б) было 20,3% инженерно-технических и научных работников и 47,2% служащих. В Челябинской области среди партийного пополнения в 1942 г. служащих было 61,4% [3].

Значительный удельный вес интеллигенты и служащие составляли в воинских партийных организациях. Идя в бой, солдаты и офицеры просили принять их в партию. Из 3,5 млн., принятых кандидатами в члены партии в Вооруженных Силах в 1942—1945 гг., более 1,5 млн. являлись по социальному положению служащими. В их числе было около 800 тыс. офицеров [4]. Всего же среди принятых в партию в годы войны доля интеллигенции и служащих составила 42,6% [5]. За 1941—1945 гг. удельный вес интеллигенции и служащих в составе

[1] Московский большевик, 1941, 28 июня.

[2] Говорят погибшие герои. М., 1975, с. 38.

[3] См.: Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917—1965 гг.). М., 1968, с. 289—290.

[4] См.: Вопросы истории КПСС, 1965, № 5, с. 66.

[5] См.: *Веселов Г. П.* Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1966, с. 13.

активных, сознательных строителей коммунизма»[1],— заявила на XXVI съезде КПСС учительница А. А. Смирнова.

Крупные успехи достигнуты в системе высшего и среднего образования. Только за десятую пятилетку наше народное хозяйство получило 10 млн. квалифицированных специалистов. Взгляд на коммунизм как на закономерный результат исторического развития человеческого общества формирует у студентов большая армия профессоров и преподавателей вузов и техникумов.

В развитии теории научного коммунизма первое место, как отметил XXVI съезд КПСС, занимает разработка концепции развитого социализма. За последнее десятилетие ученые-обществоведы создали крупные труды по философии, истории, экономике, литературоведению, праву. В повороте общественных наук к разработке актуальных проблем современности важную роль сыграло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.). В современных условиях партия выдвигает задачу дальнейшего развития теоретической мысли, более глубокого анализа социальных проблем. Особое значение приобретает дальнейшая разработка вопросов теории развитого социалистического общества, социальных и идеологических аспектов научно-технической революции, формирования и развития новой исторической общности людей — советского народа. В решении практических задач коммунистического строительства важную роль призвана сыграть экономическая наука.

Коммунистическая партия, советский народ проявляют глубокую заинтересованность в деятельности интеллигенции, по достоинству оценивают ее заслуги. Лучшие из лучших инженеры, агрономы, учителя, врачи, ученые, деятели литературы и искусства, работники партийного и государственного аппарата, общественных организаций удостоены высоких правительственных наград, Ленинской и Государственных премий. Многие из них стали Героями Социалистического Труда, носят почетные звания. Вся советская интеллигенция активно участвует в совместном труде с рабочими и крестьянами, отдавая общему делу творческую энергию, знания, опыт.

Но не только в сфере производственной и творческой возросло значение интеллигенции. Коммунистическая идейность, чувство коллективизма находят яркое проявление и в росте социальной роли интеллигенции. Понятие «советский интеллигент» не сводится лишь к комплексу знаний и сумме опыта. Оно необходимо включает в себя еще и политическую активность, сопричастность интеллигенции всему тому, чем живет советский народ, глубокое понимание общественного долга.

Советская интеллигенция принимает самое активное участие в общественно-политической жизни страны, в управлении государством. Народ доверяет ей представлять интересы масс в выборных органах власти, как местных, так и центральных. Из 1517 депутатов Верховного Совета СССР, избранных в 1974 г., работники квалифицированного умственного труда составляли 49,3%. В Верховном Совете СССР, избранном в 1979 г., работники умственного труда составили 48,9%[1]. Среди них — партийные и государственные деятели, военачальники, ученые, специалисты промышленности и сельского хозяйства, учителя, врачи, деятели литературы и искусства.

Значителен удельный вес интеллигенции в составе местных выборных органов власти. Из 2,2 млн. депутатов местных Советов, избранных 15 июня 1975 г.,— 80 тыс. руководящих и инженерно-технических работников промышленности, 216 тыс. председателей колхозов, директоров совхозов и специалистов сельского хозяйства, 121 тыс. учителей, 69 тыс. медицинских работников, 45 тыс. работников культуры, литературы, искусства, печати[2]. Интеллигенция широко представлена и в исполнительных органах власти. В 1976 г., например, инженеры, техники, экономисты, агрономы и зоотехники составляли более двух третей председателей исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся.

Важнейшим показателем политической зрелости и социальной активности советской интеллигенции является членство в КПСС. С каждым годом все большее число интеллигентов связывают свою судьбу с Коммунистической партией. Доля интеллигенции и служащих в 1966 г. достигла 46% общего состава партии, в 1971 г.— 44,8%. В 1976 г. из 15,7 млн. коммунистов 44% являлись работниками умственного труда[3]. КПСС вовлекает в свои ряды прежде всего тех

---

[1] XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1, с. 373.

[1] См.: Правда, 1979, 7 марта.

[2] См.: Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1975 г. Статистический сборник. М., 1975, с. 40—49.

[3] См.: XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1976, т. 1, с. 88.

представителей интеллигенции, которые заняты на главных участках народного хозяйства, культуры, в сфере материального производства.

В Отчетном докладе на XXVI съезде КПСС отмечалось, что из 17 480 тыс. коммунистов 43,8%, или более 7,6 млн. человек,— представители технической, научной и художественной интеллигенции, работники просвещения, здравоохранения, культуры, аппарата управления, военнослужащие. За период между XXV и XXVI съездами партии интеллигенция и служащие составили среди вновь принятых около 30%.

Социальная структура КПСС является предметом внимания буржуазных историков и социологов. Особый интерес они проявляют к членству в партии интеллигенции. Мнения высказываются самые различные, подчас диаметрально противоположные. Одни из них заключают, что в КПСС ведущую роль играет техническая интеллигенция и преимущественный рост партии за счет рабочего класса является выражением стремления парализовать это влияние. Другие приходят к прямо противоположному выводу, констатируя изоляцию, отчуждение «настоящей» интеллигенции от партии. Жизнь и деятельность КПСС убедительно опровергают эти построения буржуазных ученых, являющиеся или плодом намеренной фальсификации советской действительности, или результатом непонимания истинного положения интеллигенции в КПСС.

Интеллигенция деятельно участвует во внутрипартийной жизни. Она широко представлена на съездах КПСС, съездах компартий союзных республик, многие интеллигенты избраны в руководящие партийные органы, вплоть до высших. Перед XXV съездом КПСС в составе горкомов и райкомов партии было около 18% руководителей предприятий, инженерно-технических работников и специалистов сельского хозяйства, около 25% партийных и советских работников, 6,6% деятелей науки, культуры, просвещения и здравоохранения [1]. На XXVI съезде КПСС работники умственного труда составили около 55% делегатов. Среди них было 269 ученых и писателей, художников и врачей, учителей и артистов, 1077 партийных работников и других представителей советской интеллигенции [2]. Эти данные — свидетельство высокого доверия Коммунистической партии к советской интеллигенции, выражение признания ее заслуг перед народом.

---

[1] См.: *Петренко Ф. Ф., Шапко В. М.* Партийное строительство на современном этапе. М., 1977, с. 61.

[2] См.: XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1, с. 218.

Неуклонно повышается образовательный и политический уровень партийных кадров. В составе секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии 99,4% имеют высшее образование, около 70% из них — инженеры, техники, экономисты, специалисты сельского хозяйства, 99,9% секретарей горкомов и райкомов партии получили высшее и незаконченное высшее образование, две трети из них — специалисты промышленности и сельского хозяйства [1].

Значительный удельный вес интеллигенции в партии, ее активное участие во внутрипартийных делах отнюдь не означают, что КПСС превратилась в «партию интеллигенции», как это утверждают современные буржуазные фальсификаторы. Эта «теория» далеко не нова. Еще в начале века меньшевики обвиняли большевиков в том, что их партия стала «интеллигентской». Социальный состав партии — важный, но далеко не единственный показатель ее классовой принадлежности. В. И. Ленин не раз указывал на сложность и многообразие признаков, раскрывающих и характеризующих классовую природу партии [2]. Главное заключается в том, какому классу она служит, чьи интересы выражает. Некоторые современные социал-демократические партии Западной Европы в большинстве своем состоят из рабочих, однако в практической деятельности они, в лице своих руководителей, отстаивают интересы буржуазии.

Действительный характер политической партии определяют и такие факторы, как классовое содержание программы, социальный состав и социальная база партии, ее активность в защите интересов ведущего класса и его союзников, направленность ее идеологии. Теоретическая и практическая деятельность КПСС, ее социальный состав свидетельствуют не об отходе от «доктрины классового характера», а являются наиболее полным воплощением ее классовости и вместе с тем общенародности, выражением полного одобрения политики КПСС всеми трудящимися социалистического общества. Следует особо подчеркнуть, что, став партией всего народа, КПСС отнюдь не утратила своего классового характера. Она была и остается партией рабочего класса.

Одним из проявлений возросшей политической зрелости и общественной активности интеллигенции является ее деятельное участие в борьбе против буржуазной идеологии. Мы

---

[1] См.: Партийная жизнь, 1976, № 10, с. 22.

[2] См., например: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 377; т. 41, с. 261.

не копируют слепо этот опыт, а применяют его с учетом национальных и исторических особенностей своих стран.

Опыт КПСС и Советского государства в решении проблемы интеллигенции составит огромную ценность и для революционных партий тех стран, которые в будущем вступят на путь социалистического развития, ибо вопрос о судьбах интеллигенции в переходный период, о путях вовлечения ее в строительство нового общества встанет перед ними с неотвратимой неизбежностью.

Братские партии социалистических стран широко использовали опыт КПСС по формированию новой интеллигенции из рабочих и крестьян. В их практике получили распространение такие рожденные Октябрем формы подготовки кадров интеллигенции, как партийно-советские школы, рабфаки, а также выдвижение передовых рабочих на руководящую партийную, государственную и хозяйственную работу. Многое из практической деятельности КПСС оказалось им полезным и в повороте высшей школы на новые рельсы, в регулировании ее социального состава, в постановке идейно-воспитательной работы со студенчеством, профессорами и преподавателями. Несомненно, что и в дальнейшем теория и практика работы КПСС с интеллигенцией выработает немало новых форм, методов, направлений, которые окажут благотворное воздействие на повышение роли интеллигенции в коммунистическом строительстве.

Советская интеллигенция выросла под идейным воздействием ленинской партии и живет с ней одной жизнью, постоянно ощущая на себе ее заботу и благотворное духовное влияние. Решения XXVI съезда КПСС открыли перед интеллигенцией новые широкие перспективы творческого труда. Партия и советский народ высоко ценят вклад интеллигенции в строительство коммунизма, поддерживают в ее среде дух творческого горения, поиска, здоровой инициативы. Советская интеллигенция без остатка отдает свой талант, знания, опыт, энергию народу, делу коммунистического строительства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Федюкин С. А.
Ф35 Партия и интеллигенция.— М.: Политиздат, 1983.— 238 с.

Доктор исторических наук С. А. Федюкин, привлекая разнообразный фактический и документальный материал, показывает, как формировалась политическая линия партии в отношении интеллигенции, как изменялись задачи, формы и методы работы партии с интеллигенцией в различных конкретно-исторических условиях. Значительное место в книге занимает всестороннее раскрытие роли интеллигенции в условиях развитого социализма.
Адресуется партийным и научным работникам, студентам и преподавателям.

Ф $\frac{0902040100-273}{079(02)-83}$ 113—83

66.61(2)2
3КП1